

И.М. ЯЦУК

РОДСТВЕННИК ИЗ ДРУГОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Научно-фантастический роман

18+

Иван Яцук

Родственник из другой Вселенной

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Яцук И. М.

Родственник из другой Вселенной / И. М. Яцук — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Научно-фантастический роман известного украинского писателя повествует о том, что стремление к добру, общению, к поддержке есть неотъемлемое свойство Разума; что силы добра всегда будут торжествовать над злыми силами, где бы это ни было: в космосе, крупном городе или небольшой деревушке, иначе жизнь не смогла бы развиваться и Вселенная оказалась бы просто холодным, пустым пространством. Роман написан живо, увлекательно, с юмором, доходящим до злой иронии и сарказма, когда речь заходит о нынешней украинской действительности, и рассчитан на самый широкий круг читателей.

© Яцук И. М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава первая

Хозяйка, упитанная, молодящаяся дамочка с розоватыми, пухлыми, как у хомячка, щечками, коротко постучала в комнату квартиранта и, не дожидаясь ответа, вошла.

– Юра, я тебя предупреждала, что комната на два жильца, – сказала она безапелляционно, готовясь к отпору.

Но его не последовало.

– Да, предупреждали, я ничего не имею против, – ответил молодой парень, сидящий за столом и что-то увлеченно читающий.

– Я к тебе подселю приятного молодого человека, будете жить вдвоем. Только не устраивать здесь скандалы и попойки с девочками – я этого не люблю.

– Ну что вы, Наталья Леонидовна, вы же меня знаете – я не по этим делам, да и денег лишних у меня нет.

– Да, с деньгами сейчас у всех проблемы, – сочувственно и солидарно ответила хозяйка.

– С деньгами нет проблем, – улыбнулся квартирант, – проблемы возникают, когда денег нет.

– Мне, Юра, не до шуток, – бросила женщина и вышла. Потом она возвратилась, вспомнив что-то.

– Да, вот что: все нынче дорожает. Я тоже не могу свести концы с концами, поэтому со следующего месяца прошу платить по 1500 гривен.

– Тяжеловато, Наталья Леонидовна.

– Ничего-ничего, вы люди молодые, энергичные. Должны крутиться на одной ножке, как мы в свое время. А вы все книжки читаете, от книжек деньги не появляются.

– Зарабатываем, как можем, денег у людей не просим, – строже сказал квартирант.

Хозяйка ничего не ответила и ушла с озабоченным лицом. Вскоре в дверь опять деликатно постучали.

– Мир входящему, – озорно крикнул Юра, догадываясь, что это стучит новый сосед.

Вошел высокий, стройный парень элегантного спортивного телосложения, с приятным, открытым интеллигентным лицом. В руках он держал вместительный чемодан желтой кожи, весьма недешевый по виду.

– Привет, где здесь можно приземлиться?– оглядывая комнату, спросил незнакомец звонким, четким голосом.

– Осваивай свои апартаменты, – Юра указал пальцем на застеленную кровать. – Стул, окно, полстола, половина шкафа – все твое.

Незнакомец прошел в комнату, ловким движением ноги пнул чемодан под кровать, сам сел на краешек постели, облегченно вздохнул, как после дальней дороги, немного помолчал, потом сказал Юре:

– Ну что, давай знакомиться. Я – Истрин Роман Григорьевич. Учитель физики, в свободное время увлекаюсь астрономией и парапсихологией, не женат, нормальной ориентации, внебрачных детей не имею, ни в каких партиях не состою, в лотереи не играю, быстро разбогатеть не надеюсь и не стремлюсь. Пока все.

– А я Соколан Юрий Сергеевич, – в тон будущему соседу ответил квартирант. – Инженер-механик автобазы строительной компании. Перебиваюсь с кваса на воду, так как постоянно отправляют отдыхать – очень заботливые люди. Двадцать пять годков, порочащих связей не имел; судимости, к сожалению, не нажил, семьи – тоже, существую случайными заработками, – Соколан с некоторым вызовом посмотрел на гостя. – На ужины за мой счет не надейся. Хозяйка меня сейчас оглоушила новым сообщением: опять повышает плату. Не знаю, где взять

деньги, чтоб оплатить за предыдущий месяц, а эта пиявка требует еще больше. Скоро ты будешь один в боярских палатах, – закончил парень с грустным юмором.

– Ничего, – подбодрил сосед, – у меня с деньгами тоже не густо. Будем как-то подрабатывать. Я знаю два-три места, где по вечерам нужны грузчики. У тебя силенки есть?

– Да пока не жалуюсь.

– Ну и отлично. А пока поужинаем за мой счет. – Незнакомец вытащил чемодан и стал выкладывать оттуда на стол продукты: колбасу, сыр, хлеб, масло, вареные яйца, коробку рыбных консервов.

– Учти, мне отвечать нечем, – предупредил Соколан, – могу предложить только воду, чай и сахар.

– Прекрасно, – ответил Роман, выставя напоследок бутылку вина. – Сегодня попируем, а завтра, как бог даст. Ставь чайник.

Чувствовалось, что постоялец знает жизнь. Он действовал уверенно и ловко: достал нож, нарезал хлеб, вскрыл консервную банку, выложив ее содержимое на тарелку, услужливо предоставленную соседом, откупорил бутылку с вином, налил в стаканы.

– Ну давай, Юра, за встречу, – садясь на стул, сказал новый квартирант.

Они неторопясь, с удовольствием поужинали, постепенно находя контакт. Оба были молоды, веселого нрава, любили жизнь вообще и потому быстро сошлись.

– Что читаем? – заинтересованно спросил Истрин, показывая глазами на книгу, что лежала на прикроватной тумбочке.

– Герберт Маркузе, немецко-американский экономист, социолог и политолог, – небрежно ответил Юра.

– Хороший автор, есть у него много толковых мыслей – доброжелательно согласился Рома. – Но с точки зрения коммунистов – оголтелый антимарксист. – Он взял книгу, повертел в руках, перелистал, прочитал по несколько строчек в разных местах и со вздохом положил на место. – И зачем тебе это нужно? – Совершенно теоретическая вещь.

– Готовлюсь к политической борьбе, – с готовностью и даже некоторой горячностью ответил Соколан. – Олигархат заедает. Потенциально богатейшую страну Европы превратили в нищенку, народ стонет, надо что-то делать. Этот Маркузе утверждает, что рабочий класс уже потерял свою революционную сущность. И по всем приметам это так и есть. Его разобщили, обезглавили. Надо работать со студенчеством, научно-технической интеллигенцией. Они теперь связаны с наиболее передовыми средствами производства. Вот учусь, как это делать.

– Ну-ну, учись, – назидательно сказал Истрин, – учиться никогда не поздно, а пока отдохнем часов по восемь.

Утром они приветствовали друг друга уже совсем по-приятельски и с легким сердцем ушли на работу.

Соколян пришел на свою базу, где в два ряда сиротливо стояли строительные краны, скреперы, бульдозеры и прочая техника, побродил по огромному двору, который еще недавно гудел по утрам, как пчелиный рой, от рева моторов и людской суеты. А теперь в разгар осени – самую горячую пору для строителей – молчал, как дальний родственник у гроба покойника.

Затем инженер-строитель зашел в свой кабинетик, перелистал в очередной раз бумаги, заполнил журнал по технике безопасности, табель выхода на работу своих подчиненных и застыл в кресле, не зная, что делать дальше. Поразмыслив, Юрий Сергеевич, переоделся в рабочую робу и пошел трудиться простым слесарем, как это неоднократно делал в последние полгода.

А Истрин вышел на улицу, завернул за угол, и... и... больше его никто не видел.

Вечером оба квартиранта по-дружески встретились в своей комнате.

– Ну как там твои детишки?– вяло, для проформы, спросил Соколан, – усвоили закон Ома?

– Усвоить-то усвоили, – ответил Роман, – но я не понимаю, как можно преподавать в вашей... нашей школе физику без элементарного ускорителя, без микроскопа, телескопа?

– Ты что, с дуба слез?– буднично спросил Юра. – Какие ускорители, какие телескопы? В наших кабинетах по физике только лейденские банки стоят и аппарат с двумя металлическими шариками для демонстрации грозового разряда – вот и все. По крайней мере, там, где я учился.

– Что, уже и пошутить нельзя?– примирительно сказал Роман. – А у тебя как день прошел?

– Стыдно сказать, как прошел, – ответил Соколан. – В общем, прошел – ну и черт с ним.

– Ну что, двинем на заработки?– спросил сосед.

– Если есть предложения – двинем.

На рыбной базе они разгрузили вагон с консервами, получили по сто гривен наличными и по три мятых банки кильки в томате. Домой возвратились за полночь.

– Не знаю, как ты, а я устал, – оценивающе глядя на товарища, сказал Роман.

– А я не устал – я смертельно устал, – ответил Юра, повалившись на стул. – Поотвык я уже от таких работ. Всего пять лет назад студентом запросто кидал эти ящики. Тогда еще спортом занимался, а теперь то ли калорий не хватает, то ли разленился окончательно. Но ничего, надо привыкать; если государству мозги не нужны, то придется работать по принципу: бери больше, кидай дальше. До зарплаты еще далеко, да и получим ли мы ее – неизвестно. Начальник, жила, все прибирает к рукам. Работы, конечно, маловато, но даром хлеб не едим.

– Ужинать будем?

– Какой там ужинать? Я с места не могу сдвинуться.

Через день пошли снова. Так продолжалось две недели. Наконец, вечером Роман, внимательно глядя на осунувшееся лицо приятеля, решительно сказал:

– Все, с меня хватит, я – пасс. Надо что-то придумывать другое.

– А что тут придумаешь?– везде нужны только грузчики и сторожа, да и то в хорошую фирму сторожем не попадешь, – ответил Соколан.

– Нет, это типичное не то, – резко возразил Роман. – Надо поискать. У тебя времени побольше – посмотри по газетам, по объявлениям. Не может быть, чтобы два толковых мужика не смогли найти себе приличную работу. Я тоже среди своих знакомых поспрашиваю.

В это время в комнату вошла хлопотливая хозяйка.

– Ребятки, у меня забарахлил холодильник, а я накупила продуктов к дню рождения. Пока мастер придет – все и пойдет прахом. Может, кто из вас разбирается? Посмотрите, вы вроде бы люди технические.

– Мы не по тем делам, Наталья Леонидовна, – с ходу ответил Юра.

– Отчего же, – быстро возразил Роман, – можно и посмотреть.

Они пошли на кухню к хозяйке, молча обошли, осмотрели железный параллелепипед. Холодильник стоял немой, как тургеневский Герасим. Включили– выключили – молчит.

– Думай-думай, инженер-механик, – подтолкнул Роман, – вспоминай второй закон термодинамики, принцип действия холодильника. А я пока принесу инструмент, где-то у меня в чемодане завалился.

Пока Юра неуверенно заглядывал в середину, проверял электропроводку, приятель принес набор инструментов из своего бездонного чемодана и даже книгу со схемой холодильника. Они стали оживленно обсуждать технические вопросы, спорить, проверять узел за узлом, и через полчаса холодильник ровно, солидно загудел.

– Наталья Леонидовна, – обратился к хозяйке Роман, – в вашем холодильнике термореле на пределе. Купите в «Рембыттехнике», а мы его вам бесплатно поставим.

– Ой, спасибо, мальчики, – запричитала хозяйка, – как вы меня выручили. – Она тут же сделала постное лицо. – Я бы вас, конечно, с удовольствием отблагодарила, но поцелуй мои для вас уже не подарок, а денег у вдовы, сами знаете, впритык.

– Сочтемся, Наталья Леонидовна, где наше не пропадало, – сказал Юра, – авось, воды у вас придется когда-нибудь напиться.

– Да, да, конечно, – хозяйка не поняла скрытой иронии квартиранта, – я всегда помогу, чем смогу, за мной не пропадет.

Когда они возвратились к себе в комнату, Роман сказал:

– Леонидовна подсказала нам отличную идею.

– Какую? – не понял Соколан.

– Мы умные, энергичные парни. С какой стати мы должны заниматься рабским трудом. Завтра покупаем книги и начинаем вплотную заниматься холодильниками, электроплитами, мясорубками и прочей элементарной бытовухой. Дадим объявления в газеты: «Мастер на все руки готов исправить любую вещь, которая может двигаться, вращаться и питаться электрическим током». Типа того. Или найдем соответствующую фирму для начала.

– Рома, это пахнет авантюрой. Я на такое не подпишусь.

– Учи, будешь у меня подмастерьем. Я им покажу, что может учитель физики и по совместительству учитель производственного обучения.

– Ну если так... надо же стажироваться где-то. Явимся и будем выглядеть баранами?

– Ничего, не святые горшки лепят. В моей школе одни женщины, приходится то и дело что-то ремонтировать. Так что навыки кое-какие у нас есть.

На следующий вечер Истрин притащил несколько книжек, среди которых была толстая энциклопедия быта, где были подробные инструкции на все случаи жизни.

– Завтра возьмешь на работу, – шутливо-начальственно сказал Роман, – нечего бумажки из угла в угол перекидывать. Это Черчилль мог себе позволить каждый день кубометр кладки ложить для своего удовольствия, а потом разбирать, а мы будем лавэ зарабатывать, понял?

– Понял, – уныло ответил Юра, – что ж тут не понять. Только я не привык в лакеях ходить, стыдно как-то.

– Да не в лакеях, – тут же парировал напарник, – а в мастерах. «Нынче всякий труд почетен, где какой ни есть. Человеку по работе воздается честь». Помнишь?

– Помню, только давно это было, и теперь неправда.

– Не дрейфь и не вешай носа – все будет окэй. Мы ни у кого ни копейки зазря не возьмем.

И приятели принялись готовить себя в ремонтники. Вначале починили газовую плиту хозяйке. У нее плохо работала духовка: низ изделия подгорал, а верх получался непропеченным. Пришлось повозиться, даже слегка изменить конструкцию, но на второй день духовка выдавала идеальной румяности пироги. Опять Наталья Леонидовна предлагала поцелуй и сетовала на нехватку средств.

Учеба пошла веселее. Соколан даже стал опережать Романа в изучении бытовой техники и навыков строителя-ремонтника, так как практиковался в кафе, что располагалось по соседству с базой и где постоянно что-то выходило из строя. В качестве оплаты он стал приносить свертки с мясом, рыбой, сыром и другими продуктами, что были для друзей деликатесами.

– Вот тебе и подмастерье! – весело кричал Роман, разворачивая очередной паек, – кажется, я переоценил собственные возможности.

Впрочем, жизнь ускорила их обучение. Однажды владелец базы пригласил инженера-механика к себе

– Что ты делал вчера? – нависнув тяжелым, толстым брюхом над громадным дубовым столом, недовольно спросил шеф с порога, мрачный, как жених на вынужденной свадьбе. Грузный, с мясистыми щеками, он был похож на бульдога или на дядю Сэма с карикатур в советских сатирических журналах.

– Что делал?– растерянно спросил Юрий Сергеевич, стараясь припомнить, что же он такое основательное делал вчера, о чем можно доложить. – Ну, пришел, сделал обход...

– Сделал обход, – повторил начальник с подчеркнутой иронией – большое дело. Дальше.

– Дальше проверил замки на боксах, зафиксировал явку. Потом...

– Потом обсудили драку в Верховной Раде, – подсказал начальник.

– Немножко было. Потом провел инструктаж по технике безопасности: как правильно обращаться с талью, слесарь неправильно транспортировал мотор. Потом...потом...

– Потом суп с котом, – раздраженно сказал босс. – Потом мы пошли в кабинет и работали с документами. Так?

– Так точно. Потом меня попросили отремонтировать в кафе грузовую тачку: колеса не крутились. Отремонтировал.

– Пообедал на халяву.

– Да, пообедал, но не на халяву, а заслуженно.

– Потом опять работал с документами?

– Нет, переоделся и помогал слесарям копать в моторе для «Лаза». Потом составлял заявку на приобретение запчастей. Ушел с работы немного раньше.

– Насколько раньше?

– На десять минут, надо было успеть в поликлинику – зуб разболелся.

– Вот за это «несколько раньше» объявляю вам выговор. Далее будет строгий выговор и увольнение. Ясно?

– Ясно. Что, Владимир Михайлович, надо уходить?– спросил Соколан понимающе.

– А что, ты не видишь? Работы нет, и не предвидится. Донецкие перехватывают все тендеры, у них все схвачено. А у меня нет лишних денег, чтобы вас, бездельников, содержать. А вы сами не понимаете...

– Так сократите по закону, как положено.

– Нет у меня денег выплачивать вам незаработанные деньги.

– Мы пока на себя зарабатываем. И на вас тоже. Ремонтируем старье, а потом готовые машины куда-то исчезают. Вот новый внедорожник у вас появился...

– Ты мне, сверчок, не указывай, что мне делать. Подавай заявление и маршируй на все четыре стороны. Ты не один такой, я и другим то же самое скажу.

– Заявление я не буду подавать. Мне надо найти работу, а иначе на что я буду жить в это время?

– Это твои проблемы. Ты неплохой инженер, работу себе найдешь, а мне ты сейчас не нужен, и катись колбаской по Малой Спасской. Не уйдешь – уволю по статье. Тогда уж точно у тебя будут проблемы с трудоустройством. Иди.

– Это нечестно, Владимир Михайлович. Мы вам отремонтировали уйму старой техники, еще год назад работы было море, мы работали, не покладая рук, ставили в строй все, что только можно, вы за наш счет выкупили всю автобазу, отгородились, построили офис, а теперь нас за ворота? Рассчитайтесь хотя бы с нами по-честному, и мы уйдем.

– Вон отсюда!– заревел дядя Сэм и грохнул кулачищем по столу. – Ты меня, сопля, еще здесь будешь учить? Да я тебя в порошок сотру и по стенке размажу. Коля, – крикнул он в коридор, – а ну гони его в шею отсюда.

Прибежал качок, один из тех, кто всегда оказывается под рукой крутого начальника. Он радостно и понимающе кивнул начальнику, потом с удовольствием хорошо знакомой работы схватил за шиворот еще недавно уважаемого инженера и пинками вышвырнул его из кабинета и гнал до самых ворот базы, изгаляясь и выкрикивая на ходу излюбленный набор брани.

– Чтоб т и духу твоего здесь не было, – пригрозил качок. – Увижу – зашибу.

Вечером Юра со вздохом рассказал все это приятелю, утаив кое-что со стыда.

– Ну и черт с ним, твоим начальником, – соболезнаю другу, сказал Роман. – Это еще раз подтверждает пословицу, когда из грязи да в князи. Пора искать настоящую работу, а с этого негодяя мы твои деньги все равно заберем. У меня завтра окно в школе, так что пойдем вместе к твоему эксплуататору.

– У него связи в мэрии и в бандитской группировке, – сказал Юра. – Намылят нам шею так, что в больнице окажемся.

– Ничего, – уверенно ответил Роман. – Придется применить свои навыки в парапсихологии. Посмотришь, что получится.

Юра, привыкший в последнее время верить товарищу и замечавший в нем особенные способности, согласился. На следующее утро они отправились водворять поруганную справедливость на ее законное место. Как только известный нам «шкаф» Коля увидел опального инженера, он бросился к нему, как старый кот на валериану. Но, не добежав трех метров до нарушителей спокойствия, Коля с криком: «Я тебя предупреждал» – вдруг уперся в какую-то невидимую стену, которую никак не мог преодолеть. Он смешно упирался руками, двигал коленкой пустой воздух, шел грудью вперед, но не продвинулся ни на шаг.

Амбал в недоумении оглянулся и увидел смеющиеся лица слесарей, которые не понимали, что за кренделя выделывает шофер директора посреди пустого двора и смеялись до упада. Коля кинулся в сторону, пытаясь обойти невидимую преграду, но везде наткнулся на стену. Удивительней всего, что бухгалтерша Зина спокойно прошла мимо него в контору. Ошарашенный Коля незаметно перекрестился, но и это не помогло.

А приятели между тем зашли в офис, миновали приемную, где секретарша Оля всюду пыталась что-то запрещать, махала руками, как дорожный регулировщик, кричала, но внутри ее рта только что-то булькало, и шла густая пена.

Владимир Михайлович стоял за своим монументальным столом и что-то яростно кричал в телефонную трубку.

– Что, пришел с подкреплением? – саркастически ухмыльнулся он, садясь в кресло.

– Я юрист, – сказал Истрин, без спроса усевшись на стул, – и пришел вам напомнить, что по закону, вы обязаны предупредить сотрудника об увольнении или сокращении за два месяца перед этим, выдать месячное пособие и сделать правильную запись в трудовой книжке. Только после этого трудовые отношения между нанимателем и работником считаются расторгнутыми.

– Я вот где имел все ваши законы, – толстяк положил кулак на гиб руки.

– Не скажите, Владимир Михайлович Лемешко, – спокойно возражал Истрин. – Вы были руководителем крупнейшей в городе государственной автобазы. Затем вместе с главным бухгалтером незаконно занизили реальную стоимость базы, выдали на нее ваучеры, затем эти ваучеры по дешевке скупили и стали самым крупным собственником базы.

Потом ежегодно вы наладили выпуск акций по бросовой цене, тем самым обесценивая выданные ранее на ваучеры акции. Таким образом, вы оказались безраздельным хозяином автобазы. До недавнего времени вы выигрывали тендеры на прокладку и ремонт дорог, очистку города от снега и льда, замену труб водоканала и горгаза. Для этого вы дали взятки, – Истрин открыл папку и начал читать: – Зименко – 10 тысяч долларов, Остроухову – тоже десять тысяч, Олефиренко – 15 тысяч, гражданину Лежневу вы оплатили стоимость обучения дочери за границей в размере 30 тысяч евро. А еще вы владелец подпольного казино, а также незаконного конвертационного центра с месячным оборотом в несколько миллионов гривен.

Вы также содержите две топ-модели, которые не догадываются друг о друге, как и ваша третья жена, которая, в свою очередь, кормит альфонса двадцати трех годочков, – посетитель оторвал взгляд от папки и посмотрел на краснеющего, как арбуз летом, хозяина кабинета. – Продолжать дальше или все же достаточно для того, чтобы показать, что вы совсем не бедствуете? Так дела в серьезном бизнесе не делаются, Владимир Михайлович. Побойтесь бога и не гневите его.

– Что ты, гнида, здесь вякаешь?– вскричал Лемешко и выскочил из-за стола с поднятыми вверх кулаками. Но дальше стола он не смог двигаться, потому что уперся указанными выше кулаками во что-то твердое и непреодолимое.

– Что за чертовщина?– ярился начальник, – вы что, меня гипнотизируете? Вы за это ответите по всей строгости закона. А еще лучше я вас обоих подвешу в лесу за шарики и будете висеть, пока не посинеете. Прекратите немедленно.

Но стена не уходила. Тогда обессиленный Владимир Михайлович возвратился в кресло, вытер обильный пот и совсем другим голосом сказал:

– Вы думаете, я озолотился? Ничего подобного. Кое-что приобрел, да. Но не озолотился, как многие думают. Откуда у вас такие сведения? Даже я боюсь вслух упоминать эти имена, а вы ни село ни пало трепаетесь почему зря. Это вам даром не пройдет. Здесь дело увольнением не ограничится, даю вам слово. Оля, – опять наливаясь злобой, крикнул шеф в приемную, – вызови сюда Николая. Где этот дурак шатается?

Оля, насмерть перепуганная, несмело сделала несколько шагов к двери, но тоже уперлась в невидимое стекло. Кричать она не посмела, а тихонько возвратилась на свое место, предпочитая наблюдать развитие событий.

– Владимир Михайлович, подпишите соответствующие закону приказы, дайте команду кассиру, и мы тихо, мирно покинем вашу обитель, – предложил Роман. Юра все это время молчал, сам ничего не понимая.

– Ничего я подписывать не буду, – ответил Лемешко, который опять взял себя в руки, думая, что на него нашло небольшое наваждение, связанное с напряженным графиком работы. – Я сейчас вызову милицию, и пусть она разберется, почему вы огульно оговариваете заслуженных людей и мешаете мне работать. – Он потянулся к телефону, а трубка в ответ рывкнула ему: «Дурак!» – Опешивший Лемешко непроизвольно опустился в кресло, чувствуя, как подгибаются и слабеют его ноги.

– Ну хорошо, – со вздохом сказал ему Истрин. – Вы продолжайте свою плодотворную деятельность на поприще бандитского бизнеса, а мы пойдем есть свой черный хлеб. Когда надумаете, дайте нам знать. А пока пусть люди видят, насколько вы озолотились.

Хозяин базы вдруг по самые плечи оделся в золото и заблестел. Посетители повернулись и вышли. Выходя на улицу, Роман шепнул одному из шоферов базы:

– Иди посмотри насколько ваш директор озолотился за время своей работы здесь.

Как только за парнями закрылась дверь, Оля шмыгнула в кабинет доложить, что она принимала все меры, доступные секретарше, чтобы не допустить наглецов к работающему директору. Владимира Михайловича она увидела золотым Буддой с выпученными глазами.

– Оля, скажи, что ты видишь?– белыми губами спросил директор. – Или я сошел с ума, или это черт знает что.

– Я вижу, что вы весь по плечи в золотой краске, Владимир Михайлович, – ответила Оля, тоже вся бледная.

– Иди сюда и притронься ко мне, – приказал директор.

– Я боюсь, Владимир Михайлович. Со мной тоже происходит что-то непонятное, – простонала секретарша, впервые осмелившаяся не подчиниться шефу.

– Притронься, я кому сказал, – повторил Лемешко. – Краска это или в самом деле золото? Черт возьми, что я говорю. Это полное расстройство психики.

Секретарша боязливо подошла, притронулась.

– Это что-то железное, Владимир Михайлович.

– Потри сильнее, стирается или нет?

– Нет, не стирается.

– Выходит, мы оба с тобой загипнотизированные. Я ощущаю себя железным до самых плеч, то есть золотым. Что же мне делать? Врачей звать?

– Может, экстрасенсов?

– Какие экстрасенсы? Все жулики.

– Ну тогда батюшку можно позвать.

– Тоже прохиндеи, ничего, кроме как кропить водой не умеют, а дерут три шкуры.

– Тогда я не знаю, что еще можно придумать, – нервно ответила секретарша, впервые позволившая такой тон в разговоре с начальником. – Может они, уходя, что-то сказали?

– Да, да, я совсем забыл. Что-то о приказах. Но я думаю, это к делу не относится. Посижу, может, чары развеются или мои мозги придут в порядок. Немедленно пойду в отпуск.

В кабинет заглянули, Потом вслед за этим раздался вскрик и шум.

– Пойди закрой приемную и сиди на месте, – приказал Лемешко. – Пока никому ни слова.

Выйдя из кабинета, секретарша обнаружила полную приемную зевак. «Что, что случилось с нашим директором?» – со всех сторон посыпались вопросы. Оля зло отмахнулась, выгнала всех на улицу, закрыла дверь и стала ждать неизвестно чего, то и дело со страхом ощупывая себя: не стала ли и она золотой.

Потом она по требованию директора вызвала жену. Та принесла поесть и ночной горшок. Так прошла ночь. На следующий день директор принял меры. Поочередно приходили психотерапевт, психиатр, поп из ближайшей церкви, участковый милиционер. Все видели одно и то же: золотое тело директора и ничего больше. Директор приказал доставить сварщиков, чтобы распилить кожух. Оказалось, однако, что это никакой ни кожух, а все тело сделалось золотым. Обыкновенная сварка не сделала на нем ни единой царапины. Притащили сварку аргоновую, которая применяется для резки и сварки самых твердых материалов. Тот же эффект. Тогда подогнали самый большой кран и попытались вытащить директора наружу или хотя бы сдвинуть с места.

Сдвинуть не получалось. Из воинской части пригнали танк, обвязали Владимира Михайловича стальным тросом и потянули. После нескольких попыток трос лопнул – глыба осталась на месте. «Сколько же в нем золота?», – со страхом и восхищением шептались сотрудники. К вечеру приехали налоговики и наложили арест на неучтенное золото. Ночью двое рецидивистов, вооружившись импортными пилами, пробрались в кабинет, заткнули кляпом рот уважаемому человеку и стали пилить ноги выше бедра.

Ни одной золотой пылинки не упало с Владимира Михайловича, как преступники ни старались. Тогда воры решили перенести золото в надежное место и уже там переплавить его в благородные слитки. О самом Владимире Николаевиче и речи не было в их разговоре. Но как налетчики ни сустились, сдвинуть золотой слиток не удалось.

– Чижелый, сука, – зло плюнув, сказал один из поделщиков. Так и ушли они, не солоно хлебавши, оставив начальника дышать одним заложенным носом, так как от всех этих пертурбаций у шефа появился насморк. Утром его нашли полуживым.

– Бумагу, – прохрипел он.

Дали бумагу. Лемешко быстро набросал приказ о сокращении сотрудников через два месяца и уведомлении каждого под расписку. Всем, кто подлежал увольнению, выплачивалась месячная компенсация. В приказе директор благодарил своих подчиненных за добросовестный труд и приносил извинение за то, что сложившаяся ситуация вынуждает его, скрепя сердце, сокращать таких добросовестных работников и умелых специалистов.

Директор приказал немедленно зарегистрировать приказ и копию доставить Соколану Юрию Сергеевичу, что и было сделано. После этого золото испарилось, Владимир Михайлович радостно размял затекшие члены и приступил к исполнению своих должностных обязанностей, впрочем, без прежнего пылу и жару.

Тем временем, возвратившись домой после разговора с шефом, Юра спросил соседа:

– Объясни мне свои мансы с шофером, с директором. Ты, случайно, не прилетел с другой планеты? – добавил он шутливо.

– Есть немножко, – в тон ему ответил Роман. Потом помолчал и пояснил подробнее:

– Я тебе говорил, что занимаюсь парапсихологией. И достиг в этом некоторых успехов.

Видишь этот стакан? Смотри на него внимательно.

Юра посмотрел. Стакан с водой начал медленно подниматься, потом опрокинулся вверх дном, но вода оставалась в нем, не переливаясь. – Как ты это объяснишь?

– Что-то из фокусов Копперфилда.

– Нет, я мысленно внушаю тебе, что стакан поднимается. Только и всего.

– Ну и как же ты этого достиг?

– А это уже моя маленькая тайна. Учился у знающих людей. Они определили, что у меня, оказывается, особый талант к этому и стали развивать. Вот я и достиг кое-чего. Так что не удивляйся, если я иногда буду пользоваться этим. Я не злоупотребляю, но когда люди чересчур наглеют и пользуются своей силой во вред другим, я не могу устоять. Да и получается у меня не всегда. Иногда этот механизм пробуксовывает, и я ничего не могу здесь поделать. Такова данность, я ее принимаю. Так что ты тоже на меня не во всем полагайся, я не всемогущ.

– Нет, ты точно не от мира сего, – сказал Юра, не удовлетворившись объяснением, – Ты меня иногда пугаешь: то рука у тебя становится короче другой, то нога, и ты ходишь, не касаясь земли этой ногой; То глаза вдруг разные, то голос совершенно другой. В тебе как будто сидит несколько человек сразу. Как ты, например, сделал, что Коля не смог пройти по двору? Никакой Копперфилд, никакой йог такого не сотворит, и не надо мне мозги пудрить парапсихологией своей.

– Я усилием воли заставил его остановиться – вот и все дела.

– Ты гипнотизер?

– И не только. Парапсихология может делать многое. Главное состоит в том, чтобы я был абсолютно уверен в том, что это делается во имя добра и справедливости. Если я хоть на йоту сомневаюсь в этом, то у меня ничего не получается.

– Ну, сделай что-нибудь сейчас, сию минуту.

– Я тебе уже сделал, что тебе еще надо?

– Со стаканом?

– Тебе этого мало? Можешь сам проделать этот фокус-мокус.

– Ладно, замнем для ясности, – чувствовалось, что Юра остался при своем мнении, но не стал продолжать спор. Сейчас его занимало совсем другое.

– Что мне делать дальше? – спросил он удрученно.

– Работай и ищи новую работу. Могу предложить тебе мастера производственного обучения. Я нахватался совместительств по самое горло, спокойно уступлю тебе. Немного для толкового инженера, который к тому же снимает квартиру, но устойчиво и надежно.

– Нет, я не проживу на эту зарплату.

– Я тоже так думаю, ты заслуживаешь большего.

Глава вторая

Соколан занялся поиском новой работы. В кафе, где он подрабатывал, предложили полставки электрика. Конечно, это было мало, но в течение двух оставшихся месяцев Юра добросовестно использовал и эту возможность, чтобы вовремя заплатить хотя бы за квартиру. Приличной работы никто не предлагал. Однажды вечером просматривая рекламную газету, Роман наткнулся на объявление фирмы «Муж на час», которая приглашала мастеров на все руки и обещала высокую зарплату.

– Юрец, кажется, это то, что нам нужно.

– Какие мы с тобой мастера? – отмахнулся Соколан. – Кое-что умеем, а здесь нужно уметь все.

– Ты плохо о себе думаешь, приятель, – убежденно возразил Рома. – Все оборудование знаешь, замок сможешь заменить и вставить, розетку и кран починить, плитку положить, если надо – сам говорил, что в доме все делал. Да лучшего мастера и не найти. Завтра идем наниматься. Я работаю в первой половине дня, отказался от дополнительных часов, чтоб не допускать склок в коллективе и буду тебе помогать. Двоих нас не примут. Деньги пополам. Согласен?

– Не согласен. Ты будешь работать, а я тебе гвозди подавать? Нет, уж лучше давай так: от каждого по способностям – каждому по труду.

– Ох уж ты и коммуняка. Ладно, там разберемся.

На следующий день после обеда друзья отправились искать хитрую фирму. Она располагалась на третьем этаже 10-этажного здания. Они вошли в просторную, со вкусом обставленную комнату, где за столом сидел очередной бугай с толстым затылком и руками-булками. Такие типы, реагирующие только на очень сильные раздражители, в последнее время были в ходу. Только они умели со всеми договариваться, «решать вопросы», ходить на «стрелки», не обращать внимания на мольбы жертв и прочую, с их точки зрения, моральную чепуху и дребедень.

– Что хотели, братки? – небрежно спросил обладатель коротко стриженной головы и низкого лба.

– По объявлению насчет работы.

– Что умеем делать?

– Все, – первым ответил Роман.

– Как это все? – ухмыльнулся наниматель.

– Делаем все, что положено уметь хорошему мужу.

– Паркет стелите?

– Стелим.

– Трубы меняете?

– Запросто.

– Ванну облицевать дорогим кафелем?

– За полдня.

Верзила нахмурил узкий лобик, пытаясь придумать что-то еще.

– В холодильниках разбираетесь?

– Разбираем и собираем, подключаем и работает.

– Телевизор, компьютер?

– Нет проблем.

– Что-то ты сильно шустрый. Учти: одна-две жалобы – и получишь по шее с вычетом убытка от потери имиджа фирмы.

– У вас, я чувствую, компьютер не работает.

– Откуда ты взял?

– Оттуда. Такие, как вы, в свободное от работы время, играют в компьютерные игры или смотрят порнуху. А вы маетесь. Значит, интернет не работает. Разрешите посмотреть.

Фирмач выпятил губу, напряг узкий лобик, подозрительно посмотрел на обоих. Подумав, он включил компьютер. Тот молчал, как партизан на вопросы о квартирах, явках и паролях.

– Попробуйте, – сказал он сурово, – только не лезьте, куда вас не просят.

Юра незаметно толкнул напарника: мол, что ты блефуешь? – Тот нетерпеливо отмахнулся и подошел к столу.

– Инструмент соответствующий есть в офисе фирмы? – спросил он.

Хозяин кабинета поднялся, подошел к шкафу, вынул оттуда чемоданчик.

– Вот все, что есть.

В импортном чемоданчике, действительно, было все, что нужно для электрика.

Роман стал разбирать компьютер.

– Э-э, – предостерегающе поднял руку фирмач, – аппарат стоит тысячу баксов. Не соби-
решь, останутся лишние детали – пеняй на себя, выложишь тыщу, иначе шкуру с тебя сдеру,
понял?

Роман не ответил, продолжая работать. Через полчаса компьютер загудел, как турбина на
испытаниях. Роман опять стал копаться, включая и Юру в процесс. Наконец экран засветился,
чистый и светлый, как младенец.

– От перепадов напряжения один из конденсаторов вздулся, Пришлось перепаявать. И
вентилятор компьютера надо хоть иногда просматривать. Пыхтел, как астматик на последней
стадии легочной недостаточности. Вытряхнули пыль, прочистили – теперь будет работать. Что
еще?

– Лады, беру обоих. Наши условия знаете?

– Откуда нам знать?

– Выполняете заказ, называете сумму, вручаете квитанцию, клиент расписывается и рас-
считывается. В конце дня сдаете выручку, всю до копейки. Зарплату получаете после вычета
всех штрафов, если они будут. Если зажилите выручку – на первый раз – месяц работы бес-
платно. На второй – инвалидность второй группы и лечение за свой счет. Это в лучшем случае.
Принцип расчета такой: девяносто на десять.

– Я что-то не совсем понял, повторите? – вежливо попросил Истрин.

– Сто гривен заработали – десять ваши. Десять тысяч сдали – тысячу получили. Фер-
штейн?

– Но это же грабеж среди бела дня, – не выдержал Соколан. – Десять тысяч в месяц мы
никогда не сдадим. Выходит, даже минимальную зарплату не заработаем?

– Старайтесь, пацаны, старайтесь, – ухмыльнулся фирмач. – Парнишки вы толковые –
авось, и получится. Вы прикиньте: этот кабинет надо содержать, рядом – вторая комната, где
сидят диспетчер и бухгалтер – кассир. Все хотят кушать. Налоги, кое-кому надо отстегнуть
наверх. Мне самому едва на харчи хватает. А у меня есть еще начальник, а у начальника –
свой начальник, «крышу» надо поддерживать – конкуренция везде, борьба. Так что крутитесь,
если желаете иметь место.

– Так вы говорите: вам на харчи не хватает? – тихим, сочувствующим голосом спросил
Истрин. – Так можно...

– Хватает – не хватает, – это не твое собачье дело, – грубо оборвал его фирмач, развалив-
шись в кресле и наслаждаясь своей властью. – Ко мне такие, как вы, инженеришки толпами
ходят. Не нравится – вали, пока трамваи бегают. Ишь, каждая пипетка мечтает стать клиз-
мой, – фирмач довольно заржал над своей шуткой, видимо, где-то услышанной.

– Мы вот оставляем свой адрес, – Роман положил на стол записку. – Мы согласны рабо-
тать семьдесят на тридцать в нашу пользу, а ты, вонючий бурдюк с жиром, будешь пока есть
всю свою зарплату. Наешься – найдешь нас.

– Что ты сказал?! – Вонючий бурдюк с жиром разорвал в клочья записку, потом проворно сорвался с места и кинулся к наглецам. – Я тебе покажу, с кем ты имеешь дело! Вошь такая, гнида! – Он уже поднял руку, чтобы нанести сокрушительный удар, но вдруг так и замер в скульптурной позе с занесенным вверх кулаком и перекошенной от злобы мордой.

– Стой, кому говорят! – гаркнул бурдюк и намерился опустить руку, но она намертво зависла в воздухе. От неожиданности он стал по-рыбы глотать воздух, не понимая в чем дело, и дергать руку назад. Но рука по-прежнему оставалась каменной, такими же оказались и ноги. Посетители меж тем спокойно удалились.

– Ира! – вне себя от испуга закричал фирмач.

На крик начальника прибежала Ира – диспетчер фирмы и бесплатная наложница.

– Ира, эти скоты... меня парализовало, Ира, что мне теперь делать? Ира! – По лицу фирмача вдруг побежали струи пота, испуга и беспомощности. – Ира, вызывай немедленно «Скорую». А ну постарайся опустить мне руку.

Ира попыталась опустить, даже подпрыгнула и повисла на руке шефа, но безрезультатно. Все тело Александра Павловича окаменело, ворочались одни только глаза и язык.

– Как же мне теперь быть? – в отчаянье спрашивал сам себя фирмач. – Ира, вызвала уже доктора? Что ты медлишь?

– Вызвала, Александр Павлович, вызвала, но... что может сделать врач? Ума не приложу.

– И не прилагай. Его у тебя не было, и нет. Боже ж ты мой! Мне же только тридцать пять лет!

Старенький врач в очках и с бородкой редким клинышком, все чаще задумывавшийся о смысле жизни и о тщете всего земного, медленно обошел окаменевшего бизнесмена, привычно пощупал руку там, где меряют пульс, потом снова совершил променад вокруг статуи, заложив руки назад.

– Убей, не могу вспомнить библейского героя, который нарушил запрет и превратился в соляной столб, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Память стала подводить.

– Доктор, не валяй дурака, человеку плохо, а ты дурью маешься, – крикнул фирмач.

– Ты знаешь, когда что-то придет в голову и не можешь вспомнить – это так угнетает, что ни о чем другом и думать не хочется. Я чувствую, что решение где-то здесь, а вспомнить не могу. Дедал? – нет, не то. Сизиф? – тоже из другой оперы. Кто же это был?

– Будь моя воля, я бы тебе сейчас по кумполу так надавал, что ты бы и мать родную забыл, – бесился окаменевший пациент.

– С вами мне тоже ничего не понятно. Давно не ездил на семинары по новейшим направлениям медицины. Как по мне, так смахивает на ступор при гипнозе или на посмертное очо-чение. Но вы-то языком мелете, значит, нет гипноза; пульс не прощупывается, а глазенки бегают – черт знает, что такое. Нет, надо уходить куда-нибудь на периферию, там полегче.

– Тапочки тебе надо белые покупать, – зло сказал пациент. – И держат же таких кретинов на работе. Говори, что делать?

– По крайней мере, не каменею, – живо парировал доктор. – Что делать, что делать? Кто виноват? – извечные вопросы русской интеллигенции, теперь вот этим задаются всякие дауны от бизнеса. Не знаю я, молодой человек, что делать и кто виноват – не знаю, – доктор красноречиво развел руками. – Сделать вам укол успокоительного – так куда делать? В камень? Что-то вы сделали не так – вот вам и наказание. Покайтесь – и вас отпустит. Это все, что я могу вам посоветовать как врач и как старый человек. – Доктор опять в раздумье потер лоб рукой, бормоча себе под нос: «Кто же все-таки обратился в соляной столб?»

– Я пожалуйсь твоему главврачу и посоветую ему гнать тебя в шею, – в бессильной злобе прошипел фирмач.

– Выходит, я еще долго буду работать – со снисходительной улыбкой ответил врач, все еще мучаясь неотступным вопросом. – Честное слово, рад был бы вам помочь, но в данной

ситуации ничего не приходит на ум. За свои пятьдесят лет работы первый раз сталкиваюсь с таким случаем. До свидания.

Некоторое время в кабинет ходили, как в музей мадам Тюссо. Лепешкин Семен Данилович – так, оказывается, звали хозяина фирмы – сначала негодовал, гнал всех прочь, но посетителей все прибывало, и он устал, погрузился в нечто, напоминающее прострацию. Из художественных мастерских, расположенных неподалеку, приходили художники и скульпторы, профессионально рассматривающие неожиданную скульптуру. Спорили о художественном стиле, в котором выполнена работа.

Некоторые утверждали, что это чистый натурализм с уклоном в примитивизм. другие говорили, что здесь большая струя социалистического реализма и постреализма. Третьи со знанием дела и применением всего арсенала художественной аргументации в стиле академика педагогических наук Голобородька пространно доказывали, что реализм неспособен с такой художественной убедительностью показать звериный оскал современного капитализма; здесь, мол, явно присутствует техника и философия сюрреализма: достаточно посмотреть, как выполнены жировые складки на шее. Четвертые видели в статуе признаки абсурда. Однако, все соглашались, что замысел и воплощение – гениальны. Сочетать камень с живой плотью – до такого не додумались даже творцы, использующие в своем арсенале художественных средств пивные бутылки, пищевые отходы и экскременты диких животных.

Так продолжалось около суток. К утру Лепешкина отпустило, зато напал злокачественный жор. Семен Данилович заказывал все подряд: салаты, холодные закуски, спиртные напитки, первые, вторые и третьи блюда, десерты. Причем, все самое дорогое: икру черную и красную, осетрину отварную, колбасу сырокопченую, французские вина и коньяки каких-то немыслимо старых годов, трюфеля в труднопроизносимых соусах, сверхмодные закуски в авангардном стиле, когда на молекулярном уровне соединяют несоединимое, например, молоко с помидором, соленую сельдь с мороженым и тому подобные фокусы.

Элегантные официанты, мешая друг другу, то и дело вносили все новые и новые деликатесы. Живот бедного Лепешкина уже разнесло до невозможности, а он продолжал заказывать и заказывать. Он отрицательно, категорически махал рукой, а голос произносил новые требования. В кабинете уже было некуда ставить посуду с едой, а она все поступала и поступала.

Такая же напасть постигла двух заместителей мэра города, начальника отдела ритуальных услуг горкоммунхоза, двоих начальников районных отделов полиции, трех прокуроров, пятерых судей, нескольких депутатов различных уровней, в том числе и депутата парламента, а также начальника управления по защите прав и свобод потребителей, начальника антимонопольного комитета, главврача городской санэпидемслужбы и двух криминальных авторитетов. Когда стали выяснять логику этого необычного явления, то оказалось, что все обжоры так или иначе были связаны с господином Лепешкиным.

Все бросились к нему. В перерывах между заказами очередной жратвы Лепешкин пытался понять суть этого явления, пока не вспомнил разговор с необычными посетителями и записку, оставленную ими. Кинулись искать клочки драгоценной теперь бумажки. Уборщица Катька, которую сперва называли Екатериной Ивановной, гордо доложила, что уже произвела уборку вверенной ей конторской территории и вынесла ведро с мусором в соответствующий контейнер.

После такого сообщения Екатерина Ивановна немедленно превратилась в последнюю идиотку, которую с кулаками в спину повели на мусорную площадку показывать бак. Содержимое ведра было уже погребено под содержимым других ведер и пакетов. Но это никого не остановило. Контейнер перевернули и всю мерзость пищевых отходов аккуратно разложили на площади в 1,15 гектара вплоть до последнего огрызка соленого огурца и скелета вяленой тарани, словно это был драгоценный скелет допотопного тиреозавра.

Сотрудники вышеназванных организаций, волонтеры, дружинники, кандидаты в члены солидных парламентских партий, начинающие следователи, курьеры, письмоводители судов, гробокопатели, телохранители—все искали кусочки записки, от которой зависела судьба уважаемых в городе людей, так как те продолжали неумеренно есть в полном соответствии с тезисом, что им едва хватает досыта поесть. Затерялся только последний отрывок с номером квартиры. Но для опытных сотрудников компетентных органов это уже был суший пустяк: в конце концов, нашли и злосчастный клочок.

В конце рабочего дня в дверь квартиры №72 настойчиво и нетерпеливо позвонили двое. Одеты они были в одинаковые костюмы, одинаковые рубашки, одинаковые туфли, носки и галстуки, бывшие в моде в середине пятидесятих годов прошлого столетия. Видимо, все это получалось с одного вещевого склада с росписью в графе «отпущено». Дверь открыла Наталья Леонидовна. Увидев незнакомых, суровых людей в казенных костюмах она сделала испуганное лицо.

— У вас проживает гражданин Истрин?

— У меня, а в чем дело? Я несчастная вдова и мне надо как-то жить, я все по закону...

— И второй тоже?

— Да, и второй тоже.

— Как фамилия?

— Точно не помню. Кажется Соколов или что-то такое.

— Где они?

— На работе.

— На какой работе?

— Откуда мне знать? Приличные молодые люди. Не пьют, не курят, не дебоширят, платят вовремя. Золотые руки, во всем мне помогают. Я дурного поведения людей не беру или сразу отшиваю.

— Разрешите войти, мы подождем ваших приличных молодых людей.

— Предъявите ваши документы, я слабая вдова, меня всякий может обидеть, но я свои права знаю, ничего плохого не сделала и не делаю и делать не собираюсь.

— Гражданка Левченко, успокойтесь. У нас к вам нет пока никаких претензий. И к молодым людям тоже. Просто надо кое-что выяснить с ними и уточнить. Они могут быть свидетелями в очень важном для нас уголовном деле.

— Фу, слава богу, а то уж душа совсем в пятки ушла, — Наталья Леонидовна истово перекрестилась. — Проходите, пожалуйста. Вот их комната, просторная, светлая, я денег зазря ни с кого не беру. Я вдова боевого офицера, полковника. Как-то надо существовать — вот и сдаю две комнаты. Неудобства, хлопоты, люди молодые, суетливые, но что поделаешь — работать я уже не могу, а платить за квартиру надо, ну и кушать, хоть и немного, а все-таки требуется.

— Кстати, «о кушать». Вам никогда в последнее время не хотелось неумеренно есть?— спросил один из незнакомцев.

— Что вы, что вы?— замахала руками хозяйка. — Две ложки каши, кусочек масла— вот и весь мой завтрак. Так же и обед. А ужинаю я больше кефиром и булочкой овсяной.

— Ну если вы получаете военную пенсию мужа, да еще сдаете две комнаты по два человека, так, наверно, не только на овсяную булочку хватает, — сказал между прочим второй посетитель, прохаживаясь по комнате и все внимательно осматривая.

— Кое-что на смерть берегу, — скромно ответила Наталья Леонидовна, поджав губы и сделавшись строгой. — На депозите. Это никому не возбраняется.

— У нас к вам вопросов больше на сегодня нет. Отдыхайте спокойно, — сказал служитель компетентных органов, — а мы подождем ваших постояльцев здесь.

Постояльцы явились вместе и очень удивились присутствию незнакомых людей на своей законной жилплощади.

- Чем обязаны?– деловито спросил Роман.
- Вы Истрин Роман Григорьевич и Соколан Юрий Сергеевич?
- Да, двадцать пять лет таковыми являемся. А вы кто такие?
- А мы вот кто, – один из незнакомцев движением фокусника показал краснокожую паспортину, удостоверяющую, что он капитан службы безопасности.
- Что вы хотели бы выяснить у нас?– без почтительного трепета, обычного при таких обстоятельствах, спросил Истрин.
- Скажите, вы были позавчера на фирме «Муж на час»?
- Были.
- С какой целью?
- С целью получения работы на законных основаниях.
- Вас что-то не устроило?
- Порядок оплаты труда нас не устроил.
- Вы ушли без конфликта?
- Да, мы оставили записку на случай, если наниматель надумает работать честно.
- А что вы сказали уходя?
- Владелец фирмы или кто он там еще, пожаловался, что ему едва хватает на харчи. Мы ему пожелали, чтобы он наконец наелся на те деньги, которые получает за день. Он и те, на кого он ссылаясь, когда предложил работать бесплатно. После этого мы ушли. Он, правда, на нас несколько обиделся, кинулся догонять, но затем почему-то остановился, и мы посчитали конфликт исчерпанным. Вот и все, что мы можем сказать по этому поводу. Надеюсь, он не умер с голоду?
- На каких условиях вам предложили работу?
- Один к десяти. Тысячу сдали – сто получили.
- Службисты переглянулись, помолчали, видимо, не зная, что делать дальше.
- Вы, наверно, не поняли друг друга. Семен Данилович предложил вам наоборот: девяносто процентов вам и десять фирме. Он просит извинения, если по его вине произошла ошибка. И вот передает аванс. – Старший протянул толстый пакет. – Завтра можете выходить на работу. Он полностью убедился в вашем профессионализме.
- Мы загодя ничего не берем. Это во-первых; во-вторых, в пакете не хватает тысячи долларов. Будьте добры вернуть их на место и возратить владельцу.
- Вы хотите сказать, что мы их украли?
- Мы ничего не хотим говорить, кроме того, что говорим.
- В таком случае, мы вынуждены вас арестовать.
- На каком основании?
- На том основании, что вы обладаете непонятными для нас способностями, которые используете не по назначению. Мы должны выяснить, что это за способности и поставить их на службу государству. Ребята, заходи, – крикнул один из служивых.
- Тут дверь затрещала, и в комнату ворвалась вооруженная до зубов группа людей в масках. «Стоять!», «Руки на стену!», – раздался истеричный боевой клич. Оба постояльца покорно стали к стене и подняли руки. Их быстро обшарили. «Ничего», – сказал один, очевидно, командир.
- Надевайте наручники, – приказал службист, – и в машину. На месте разговорим этих субчиков.
- Мы никуда не поедem, – спокойно сказал Роман, не оборачиваясь. – У вас ни оснований, ни документов на арест никаких нет да и не может быть.
- Поговори у меня еще, – один из группы захвата замахнулся на него, а потом тихо охнул и присел, судорожно глотая ртом воздух.

– Ребята, нападение!– истошно закричал кто-то и бросился к парням. И также медленно осел, тяжело дыша.

Тут уж вся группа бросилась на хозяев комнаты и также легла немцами под Сталинградом, как и те двое.

– Ну, капитан, теперь твоя очередь надевать наручники, – сказал Юра, поняв, что с Романом он не пропадет.

– Ребята, мы на работе, – жалобно сказал капитан. – Нам приказано дать вам взятку и арестовать с поличным. Мы ничего от себя не делаем.

– Как же, – возразил Роман, – вам было сказано застрелить нас при оказании сопротивления. Расстреливайте, выполняйте приказ по полной форме, а потом уж будем договариваться. Не бойтесь, как–нибудь не умрем.

Капитан трясущейся рукой вынул пистолет.

– А вы нам ничего не сделаете?

– Ничего.

Капитан и его напарник израсходовали обе обоймы. Пули прошли в миллиметрах от головы и прочих частей тела, но в цель не попала ни одна.

– А теперь забирайте вашу группу, доложите начальству обстановку и наши условия: они получают зарплату, достаточную, чтобы хорошо есть, пить, иметь разумные развлечения и не брать взятки, а мы завтра выходим на работу и отдаем фирме шестьдесят процентов заработанного на оплату налогов, аренды и прочих расходов. Этого достаточно, чтобы содержать штат и получать нормальную прибыль. Это касается всех причастных к делу лиц. Если их наши условия не устраивают, пусть сами приходят нас арестовывать или мы придем к ним. Ферштейн?

– Понятно, – кисло сказал капитан. – Но все же наши начальники хотели бы жить несколько лучше остальных.

– На каком основании?

– Мы все-таки рискуем жизнью.

– Неужели риск районного прокурора выше риска шахтера, который спускается ежедневно в шахту?

– Мы ловим преступников, а это люди, которые являются наиболее социально опасными.

– Поэтому ты построил себе двухэтажный особнячок на жалованье капитана?

– Вы и про это знаете?

– Зна-ем, – ответил Роман с расстановкой. – И построил потому, что ближе к ценностям, которые создает общество. И соблазн слишком велик. Чем ты лучше его?– Истрин указал на Юру. – Он – победитель школьных олимпиад по математике и физике, а ты ходил в середнячках. Он поступил без блата и денег в университет и получил красный диплом, а ты едва-едва пролез в милицееское училище, кое-как его закончил и теперь считаешь себя выше других. На каком основании?

– Вы, наверно, тоже в каких-то органах работаете, – не то заключил, не то спросил второй сотрудник. – Так бы сразу и сказали. А то морочите нам голову.

Как и обещал, капитан доложил по инстанции. Верхи информацию приняли к сведению, сделали вывод, что, скорее всего, это свержагенты из Киева, действующие по спецзаданию, и решили установить наблюдение за подозрительными типами, а пока жить, как требует устав, хоть это и тяжелехонько.

На следующий день «мужья» вышли на работу. Она им понравилась. Заказы особым разнообразием не отличались: ремонт электропроводки, бытовых приборов, замена оконных рам, установка телевизоров, холодильников, электроплит и прочая бытовая дребедень. Кому-то надо было заново вставить розетки, вырванные с мясом, починить звонок, заменить кафель в ванной, постелить несколько метров паркета, почистить трубы, сменить унитаз, отремонтировать стол, стул, кресло, табуретку, детскую коляску или велосипед. Приятели ни от чего не

отказывались, всегда были заняты и сдавали самую большую выручку. Директор не мог нарадоваться.

Все было бы хорошо, но часто звонило начальство и спрашивало, нельзя ли как-то ущипить этих притких технарей, к тому же владеющих какими-то секретами гипноза или чем-то в этом роде. Начальству надоело жить по средствам.

Истрин, с его слов, работал в школе полдня, оставаясь только учителем физики. Все остальные нагрузки он поотдавал коллегам, которые боролись за каждый учебный час, зорко следя друг за другом, чтобы кто-то не нахватал себе слишком много в ущерб остальным. Иногда друзья работали вместе, если был солидный заказ или уж очень сложный, а чаще работали отдельно, переговариваясь и советуясь по мобильнику. Соколан окончательно ушел с автобазы и полностью отдался работе на фирме. Как-то само собой получалось, что ему доставались самые денежные заказы, но работал он все-таки медленнее Романа, и потому заработок получался почти одинаковым.

Однажды они возвращались с работы поздним, темным вечером. На узкой, тихой улочке, освещаемой одинокими тусклыми фонарями, было безлюдно. Приятели повернули за угол, где совсем близко уже находился их подъезд, когда навстречу им вышло трое. Молодые, крепкие, густо заросшие частой, колкой щетиной, с недобрыми, лихими взглядами из-под широких, кустистых бровей, они напоминали каких-то былинных разбойников или соратников Стеньки Разина. Казалось, вот-вот кто-то из них размахнется кистенем и шарахнет по голове. Вот уж, действительно, ночные тати, предвестники смерти.

– Дай закурить, – грубо потребовал один.

– Курево у тебя в кармане, – ответил Роман, – ты, наверно, забыл, что час назад купил «Мальборо».

– Тебя, суку, спрашивают закурить, – низким, глухим голосом сказал другой.

– Ребята, давайте жить дружно, – миролюбиво предложил Роман, – мирно разойдемся по своим малинам.

– Это не тот случай, когда надо спрашивать курево, – добавил Юра, понимая, что компания специально лезет на рожон.

Вдруг дзенькнул ближайший фонарь, разбитый удачно брошенным камнем. Улица, и без того слабоосвещенная, погрузилась в крошечную темень. Не говоря больше ни слова, все трое выхватили ножи и бросились на прохожих. Но на этот раз своенравная госпожа Удача побежала совсем в другую сторону, нежели планировали налетчики, надеявшиеся быстро покончить с мокрухой.

В полной темноте бандиты нанесли выверенные, нацеленные, казалось бы, неотразимые удары. Но жертвы продолжали стоять, как ни в чем не бывало. Последовали еще сильные, мощные движения рук с зажатыми в них финками. Безрезультатно. Острые, холодные стальные лезвия, способные завалить медведя, полосовали воздух.

Лиходеи топтались на месте, менялись местами и ожесточенно махали и махали ножами, не понимая, в чем дело и почему эти двое до сих пор не лежат на земле в последнем издыхании. Роман и Юра незаметно отошли в сторону и наблюдали, как трое месят воздух, уже тяжело дыша.

– Пошли домой, – сказал Истрин, – пусть ребята упражняются, авось навсегда надоест убивать честных людей.

– Граждане бандиты, убийцы и ублюдки, – торжественно сказал Роман, – продолжайте выяснять, кто из вас сильнее и безжалостней, а мы пошли: у нас еще много дел. Зло должно быть наказано. Когда раскаетесь, тогда и силы появятся, чтобы работать честно.

Нападавшие вдруг стали остервенело драться между собой. В ход пошли кулаки, кто-то коленкой ожесточенно поддавал в челюсть другому, кто-то бил ногами упавшего, кого-то схватили за волосы и иступленно били в живот. Через некоторое время вся троица вконец

обессилила, но продолжала по инерции наносить удары ножами. Бандиты уже сидели на тротуаре и тупо рубили сверху вниз. Ножи, иногда высекали искры, ударяя в асфальт или попадая в мелкие камешки.

Утром первые прохожие, увидели троих людей, бездыханно лежащих на земле; когда у кого-то из них хватало сил, он тяжело поднимал нож, всаживал его в асфальт и тут же замертво падал в изнеможении; затем то же самое делал второй и третий. Вызвали «скорую помощь», но и в больнице продолжалось такая же катавасия.

После уколов и процедур пострадавшие вызвали попа. Тот приехал на импортной тачке, толстый, холеный, неумело и лениво покропил, выслушал покаяние и умчался. Не помогло. Видимо, батюшка проел, промотал свое благочестие и божий дар помогать людям. На смену ему пришел следователь, сухой, немногословный, с блокнотом и ручкой. Тот только записывал, изредка уточняя отдельные детали.

Дело вырисовывалось так: все трое – матерые рецидивисты из шайки Петьки Шалого, спецы по заказным мероприятиям. От самого Петьки поступило задание убрать двоих, чьи фотографии показали и указали, где их искать и выслеживать. Кто давал задание самому Шалому неизвестно. Они все аккуратно, как всегда, сделали, и оставалась самая малость, но здесь произошла какая-то заморочка непонятная, и троица оказалась в больнице без единой царапины. Троица слезно просила следователя задавать самые каверзные вопросы, на которые они согласны отвечать самым правдивым образом.

Следователю, наконец, удалось выяснить настоящие фамилии, имена и отчества рецидивистов, место рождения, образование, национальность, рабочие специальности, по которым они должны были работать, но так никогда и не работали. Еще много кое-чего бандиты рассказывали слуге Фемиды. Он все записал и обещал разобраться и учесть чистосердечные признания. Больных сразу попустило и освободило от надоевших движений рукопашного боя, чему они были очень рады.

Было заведено уголовное дело по факту наличия холодного оружия, и каждый из троицы отправился на разные участки лесоповала. Вскоре нашли неуловимого до того Петьку Шалого с пером в боку, и на этом история с покушением на убийство закончилась, ввиду невозможности продолжить дальнейшее следствие.

Зато от «мужей на час» опять надолго отстали. Так прошло несколько месяцев. Жизнь продолжалась. В городе иногда на отдельных судей, прокуроров, следователей, руководителей отделов землепользования, таможни, хирургов, бизнесменов и чиновников вдруг, казалось, ни с того ни с сего нападал жор, и тогда они проедали весь дневной «навар», чем портили себе желудок и всю пищеварительную систему. К ним вызывали врачей, спрашивали причины, ставили диагнозы, приписывали кучу лекарств, но больные только отмахивались руками и проев все, что ими было произвольно заказано, ложились на больничный, потом на строгую диету и потом на работе были безупречно чисты и скромны в своих запросах, аки ангелы.

Как-то за ужином Роман высказал новую мысль. Он сказал:

– Что-то приелась мне эта работа. Не по Сеньке шапка. Юра, мы же с тобой умные люди. А умные люди сейчас заняты чем? – Роман сделал паузу. – Умные люди теперь работают с компьютерной техникой, создают компьютерные программы. А мы что с тобой – глупее? Не хочу быть мастером-ремонтником, хочу быть квалифицированным программистом. Поступаем в университет заочно; когда я буду на занятиях, а когда ты, когда вместе будем обучаться. Пять лет нам не понадобится, а только три, а может быть и меньше. Сейчас экстерном можно сдавать.

– Рома, понимаешь, мне здесь девушка-соседка наша приглянулась. На два фронта я не потяну. Надоело мне быть учеником.

– Глупый ты, Юрец. Ну что мастер? Всю жизнь бегать с этажа на этаж? И это при твоих-то способностях? За компьютерами будущее. Я чувствую, ты будешь выдающимся программистом. Три года пролетят – и не заметишь. А девушка совсем не помешает, даже наоборот. У

тебя будет прочное, солидное положение. Семье нужна крепкая, надежная база. Откроем свою фирму, у меня тоже склонность к перемене мест. Решайся.

– Ты так думаешь?– вопросительно сказал Соколан, привыкший верить другу.

– Обязательно надо, Юра, – подтвердил напарник. – Тем более с работы не надо уходить пока.

– Ну ладно, – согласился сосед. – Компьютеры – это дело. Я согласен.

Так друзья снова стали студентами. Новая, так называемая Болонская система образования, предполагала самостоятельное обучение, чем друзья и пользовались. У Романа оказывалось больше свободного времени, он больше читал и чаще бывал на лекциях, он и занимался с напарником, которому не надо было долго что-то объяснять, все он схватывал на лету, тем более, что математическая подготовка у него была на высоте.

В складчину они купили компьютер и с упоением на нем работали, изучая все до тонкостей. Потом приобрели еще один, старенький, и по очереди разбирали и собирали его, пока не довели дело до автоматизма. Они ушли из фирмы, оформили частное предпринимательство и стали в первую очередь принимать заявки на ремонт компьютеров. Через два года появилась фирма «ИС», что означало Истрин и Соколан.

Эта фирма уже принимала заявки на компьютерное обслуживание солидных предприятий и крупных бизнесменов, причем, заказов было много, потому что для специалистов этой фирмы не существовали заданий, которых нельзя было исполнить. Они делали программное обеспечение, приспособливая стандартные компьютерные программы к нуждам конкретных заказчиков, они сами производили новые программы, они ремонтировали, они обучали персонал, консультировали– в общем, были специалистами высочайшего класса.

Глава третья

Фирма быстро росла и стала крупнейшей в городе и области. К ее услугам прибегали и столичные заказчики, чьи филиалы были в Днепропетровске и выдавали самые высокие оценки качеству работы компьютерщиков. Несмотря на очень умеренные цены на свои услуги, фирма получала солидную прибыль, которую вкладывала в дальнейшее расширение. Приобрели офис, оргтехнику, запчасти, взяли на работу перспективных выпускников местного университета, создали учебный центр подготовки квалифицированных операторов компьютерной техники, а также сервисный центр установки, наладки и ремонта компьютерного и электронного оборудования.

«ИС» уже стала заметной фигурой областного масштаба, но, как ни странно, ни копейки не расходовала на подкупы и проталкивание своих интересов в коридорах власти. Ходили темные слухи, что фирму якобы «крышует» какой-то то ли столичный криминальный авторитет, то ли крупный олигарх. До поры до времени перипетии борьбы за место под солнцем фирму благополучно обходили.

Но вот в области поменялся губернатор, несколько других ключевых фигур региональной власти, и кому-то пришлось в голову: как же это так получается, что крупная фирма, отчисляющая солидные бабки в бюджет, вроде бы бесхозная и никому ничего не отстегивает? Это и пугало, и возмущало, и ставило в тупик – правила игры должны были быть для всех одинаковы.

Две стороны стали прощупывать почву. Мэр города точно установил, что «ИС» не входит в сферу влияния губернатора, что было понятно: тот ничего еще не успел прибрать к рукам и команд из Киева на сей счет не получал. Губернатор, в свою очередь, выяснил, что мэр не имеет влияния на фирму, и можно беспрепятственно заарканить ее в свою конюшню.

Как-то Истрин во второй половине дня после короткого совещания со специалистами сидел у себя в кабинете один, когда пожилая, добросовестная секретарша доложила ему, что в приемной ожидает представитель губернатора.

– Приглашайте, Ирина Владимировна, – спокойно сказал Роман Николаевич, – представителя власти нельзя долго держать в приемной.

Вошел выше среднего роста молодой человек немного за тридцать, одетый в строгий черный костюм с белой рубашкой и черным галстуком и с таким же строгим лицом, долженствующим олицетворять строгость и неподкупность той власти, которую он представляет. Роман про себя улыбнулся: казалось, этот молодой человек с постным лицом, обстругавший, как карандаш, свою тощую, аскетическую фигуру беспрестанными, настойчивыми упражнениями в фитнес-клубе, только что сменил сутану на светскую одежду. Так и подмывало спросить у него, как идут дела у святой инквизиции, но приходилось сдерживаться. Лицо посетителя изображало одновременно и строгость, и ложно-скромное смирение, и властность хозяина положения. Так приходил на предприятие разбираться по жалобам инструктор обкома партии. В руках – небольшой элегантный кейс. Молодой человек остановился, качнулся на носках и сухо представился:

– Советник губернатора Боярчук Николай Петрович.

– Проходите, Николай Петрович, – дружелюбно сказал Истрин и указал на ряд стульев вдоль стены, – присаживайтесь.

– Можно здесь? – не дожидаясь ответа, гость несколько разболтанной походкой ловчицы, идущей вразрез с его лицом, подошел к столу, сел, небрежно бросил кейс, открыл его, неторопливо вынул блокнот, ручку и посчитал себя готовым к беседе. Теперь видно было, что он привык повелевать, и сквозь его иезуитское смирение сквозит уверенная в себе наглость.

– Роман Николаевич? – уточнил он.

– Да, я самый.

– Как у вас идут дела на фирме?– как следователь, спросил советник.

– Пока не жалуемся.

– Это очень хорошо, – натянуто улыбнулся гость. – Помощь с нашей стороны вам какая-нибудь нужна?

– Нет, до сих пор справляемся самостоятельно, – подчеркнуто спокойно ответил Истрин.

– Очень хорошо, – опять удовлетворенно констатировал советник. Губы его словно были замотаны шелковой ниткой, и ему приходилось насильно продавливать сквозь них слова. Это было трудно. После нескольких фраз он снова накладывал на тонкие, сжатые губы очередной шов. – Сейчас куда ни пойдешь – только и слышишь жалобы на жизнь и все просят помочь деньгами.

– Мы не просим и не жалуемся, – уточнил хозяин кабинета.

– А я вот пришел к вам с просьбой, – со строгим служебным лицом сказал Бояров голосом, который не подразумевал возражений. Он замолчал, ожидая, что Истрин спросит, в чем состоит просьба. Но Истрин молчал.

– У Вячеслава Степановича, нашего губернатора, – большие, стратегические планы, – несколько нервно начал советник, не дождавшись вопроса. – Область на одном из последних мест по всем показателям. Нужны решительные меры. Но эти меры натываются на отсутствие средств. – Опять долгая пауза, необходимая для швейной работы. – Я уже вам говорил, что все просят от губернатора денег, а их, как известно, в нашей казне нет. К тому же, есть такие затраты, которые нельзя уложить в какие-то сметы и отчеты.

– Какие же это затраты?– наконец спросил Истрин. – Насколько мне известно, все должно решаться в строгом соответствии с областным бюджетом. Есть бюджетная статья – расходуйте. Нет – на нет и суда нет. Так должны поступать все: от хозяина дома до премьер-министра. Я и копейки не могу расходовать без разрешения главного бухгалтера. А она разрешает в строгом соответствии с нашими возможностями.

– Не разговаривайте со мной, как с учеником, – сурово отвечал советник. – Это мы давно проходили. Есть случаи, когда ради высшей цели можно нарушить закон.

– Это что-то новое вы говорите, господин советник, – усмехнулся Истрин. – Советник губернатора допускает нарушение закона! Я знаю, что есть другие установки на планете Земля: закон суров, но это закон; Платон мне друг, но истина дороже; протягивай ножки по одежке и так далее. Ну да ладно, не будем об этом. Так какие затраты не укладываются в рамки законов и смет?

– Я даже не знаю, как с вами дальше беседовать, – печально сказал Бояров. Приняв сперва личину иезуита и поняв, что это не играет, он вдруг мгновенно, как на эстрадном концерте, сменил маску. Теперь на Истрина смотрело усталое лицо измученного нервотрепкой и боязнью за свою жизнь посольского дьяка времен Ивана Грозного. – С вами говорит ближайший помощник губернатора, а вы меня экзаменуете, как мальчишку...

– Хорошо, я не буду вас экзаменовать, – сухо сказал Истрин, – что вы конкретно хотите?

– Я уже вам сказал, что есть много организаций и предприятий, которые не так успешны, как вы. Им надо помочь встать с колен, как говорится. Поэтому губернатор хочет создать некий неофициальный фонд для таких случаев, – елеинной струйкой лилась скупая мужская жалоба, похожая на похоронный бабский плач. – Если он сможет что-то дать, тогда он может и потребовать. А пока у него нет никаких рычагов управления и стимулов. Так у нас на Руси не делается. Все привыкли, чтоб хозяин что-то дал, а иначе никто не будет подчиняться. Ну а мы, его помощники, мыкаемся с протянутой рукой, принимаем на себя весь негатив.

– Хм, странный вы, однако, советник и странные у вас функции, – ответил насмешливо Истрин. – Это все, что вы можете посоветовать губернатору в области экономики?

– Роман Николаевич, – опять меняясь, как ушлая ящерица, нетерпеливо и с твердыми нотками в голосе сказал Бояров, – Губернатор убедительно просит вас перечислить в этот фонд

500 тысяч гривен. Добровольно. Больше – сколько угодно, а меньше никак нельзя. Вот банковские реквизиты – советник достал из кейса лист бумаги и протянул ее Истрину.

– Передайте вашему Вячеславу Степановичу, что у меня фирма, а не благотворительная организация, – выпрямившись в кресле, жестко ответил Роман Николаевич, не беря в руки бумагу. – Пусть скажет, что надо сделать на эти 500 тысяч, и мы после консультаций со своими специалистами, скорее всего, сделаем это. Иначе у нас ничего не получится.

– Тогда и вы не рассчитывайте на нашу помощь, – сказал Бояров, положив лист в кейс.

– А мы ничего у вас и не просим.

– Пока, – многозначительно сказал советник. – Вы говорите, что у вас нет проблем? Очень хорошо. Но они вскоре могут появиться.

– Если у нас появятся надуманные проблемы, – спокойно ответил Истрин, – то у вашего губернатора их появится вдвое больше. И у вас тоже. Вам никогда не приобрести участка, на который вы незаконно рассчитываете.

– Вы угрожаете губернатору? – с расстановкой спросил Бояров, опять приняв обличье смиренного. Так, наверно, каверзно спрашивал астронома Джордано Бруно на суде хитроумный инквизитор: « Скажите, а правда ли, что вы утверждали, что будто наряду с Землей есть еще множество других миров, населенных людьми?», и получив положительный ответ, удовлетворенно и многозначительно смотрел на остальных судей, которые должны были по достоинству оценить его ловкий, обходной маневр.

– Я советую губернатору действовать сугубо экономическими методами в рамках, которые предоставляет ему закон. И не пользоваться сомнительными услугами человека, который через пень колоду проучился три года в Донецком университете и купил диплом за две тысячи долларов, а также находился под следствием по делу о незаконной продаже квартир, но вывернулся.

– Вы за эти слова ответите! – прошипел Бояров, сохраняя внешнее спокойствие. В его глазах сверкнул мстительный огонь вассала, который знает, что гнев сюзерена немедленно и неотвратимо обрушится на ослушника и будет жестоким и беспощадным, и тогда уж он, вассал, возрадуется и возместит урон своему самолюбию. Советник быстро закрыл кейс и с достоинством поруганной, но требующей отмщения чести, вышел из кабинета.

– Чем ты его оглоушил? – спросил Соколан, заходя в кабинет, – выплыл красный, как спелый арбуз.

– Гонец от губернатора, – пояснил Роман, – пришел попросить немножко денег: всего-то полмиллиона.

– Ну и что ты ответил?

– Ты же сам видел. Грозился, что у нас будут проблемы, а я ему напомнил о его славном прошлом – так и разошлись.

– Откуда тебе известно о его славном прошлом? – подозрительно спросил Юра.

– Ты же знаешь о моих способностях работать с компьютером. Ловкость рук – и никакого мошенничества.

– Станный ты, Рома, человек. Станный и непонятный. Что-то постоянно мне недоговариваешь. У тебя такие замашки и такие рассуждения, как будто ты с другой планеты прилетел.

– Ну да, с другой. Эта планета находится на расстоянии в 700 миллионов световых лет от Земли, – со смехом ответил Рома.

– Тебе смешки, а у меня волосы встают дыбом, когда я иногда смотрю на тебя спящего. И способности у тебя такие, каких ни у одного парапсихолога не найдешь.

– Я тебе скажу по секрету, что я из давней семьи славянских колдунов-волхвов. Их еще называли характерниками. Они являются хранителями древних знаний. Вот откуда мои способности. Я обладаю даром предвидения. Я, например, предвижу, что нас завтра-послезавтра пригласит к себе мэр и будет просить помочь, а на самом деле хочет пожить за наш счет.

– Я и без всякого дара предвижу, что к нам зачестят всякие власти, благотворительные фонды и прочие бандиты, – без улыбки ответил Соколан. – И больше всего меня возмущают благотворители. Ни в один фонд я не верю. Чтобы стать благотворителем, надо быть очень богатым человеком и отойти от дел – раз. Во-вторых, иметь твердые моральные устои – это два. Надо сильно любить людей, верить в них, веровать в нечто большее, чем наши обычные желания и представления о жизни.

– А разве ты не мог бы стать благотворителем?– лукаво спросил Роман.

– Пока не могу. Я слишком занят делом. И таким делом, которое полностью противоречит сути благотворительности. Самое лучшее, что я могу сделать – это не отнимать у нищего его суму; не ловчить, не добывать деньги любой ценой, не убирать с дороги конкурентов нечестным путем. Само наше дело – это дело честное, нужное людям. В этом состоит наша благотворительность, лично меня это поддерживает в работе. Приходится иногда помогать и материально, но мы не афишируем нашу благотворительность. Когда я стану стариком, я тогда организую благотворительный фонд, но никогда не буду пиарить себя.

– Вот за это я тебя и люблю, Юрец, – с чувством сказал Роман, – больше всего ценю в людях открытость и честность. А насчет пророчества запомни. Проверишь, правильно ли меня учили.

–Кстати, – быстро ответил Соколан, скрывая неловкость за полученные комплименты, – забыл тебе сказать: я вчера прочитал, что сегодня в университете состоится встреча со столичной знаменитостью, приглашают всех желающих. Физик– теоретик. Будет читать лекцию о современной физической картине мира и новейших достижениях в области астрономии. Точно не помню, но что-то в этом роде. Ты же у нас интересуешься астрономией – можешь сходить.

– А может вместе?– тут же предложил Роман.– Самому как-то не хочется.

– Ладно, вместе так вместе,– после некоторого раздумья согласился Юра.–Мне торчать дома одному тоже неохота. Лекция, по-моему, в 16.00. Придется пораньше уйти с работы.

На следующий день, когда они пришли в университет, актовый зал был забит до отказа. Пришли студенты и преподаватели всех вузов и школ города: кого-то «попросили» придти, боясь, что зал окажется пустым; кого-то в самом деле интересовала физика и астрономия. Воздух был слегка наэлектризован, как всегда бывает при большом скоплении народа. Студенты громко разговаривали, смеялись, шутили, шумно усаживались, а потом то и дело вставали и куда-то уходили, потом опять возвращались, снова усаживались и вертели головами по сторонам, отыскивая знакомых, весело приветствуя их и приглашая к себе рукою а то и голосом. Откуда-то лилась джазовая музыка.

– Все, как всегда, – с налетом грусти сказал Соколан, оглядывая зал.

– А что ты хотел, – заметил Рома, – не прошло и пяти лет, как ты здесь протирал штаны.

Они уселись в удобные кресла в середине зала и стали ждать. Вскоре на сцене появился проректор по научной части, этакий мягкий, рыхлый колобок с широкой желтой лысиной через всю полупустыню, и с ним невысокий сухощавый человек в тонких золотых очках, уверенно подошедший к трибуне.

– Господа, – начал проректор с улыбающимся гостеприимным лицом,– к нам в город по своим служебным делам приехал ученый с мировым именем, академик, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики Киевского университета Владимир Борисович Кильчинский. Несмотря на занятость, он любезно согласился прочитать вам лекцию, основанную на самых последних достижениях научной мысли в области физики и астрономии. Прошу внимательно его послушать.

– Не удивляйся и не дергай меня за рукав, – шепнул Истрин, – если я немного пободаюсь с ним.

– Не валяй дурака, – также тихо ответил Юра и устремил заинтересованный взгляд на сцену.

– Итак, господа, приступим, – уверенно начал лектор. Для его роста трибуна оказалась высоковатой. Кильчинский быстро покинул ее и стал медленно расхаживать по сцене, собираясь с мыслями. Зал притих, рассматривая именитого гостя. Ничего особенного и выдающегося в нем не было: ладная поджарая фигура; энергичное, худощавое, тонкой кожи лицо; широкий, без морщин, высокий лоб с глубокими залысынами; острые, плоские виски; уши маленькие, оттопыренные – «локаторы», как называют их в детстве; губы тонкие, в ниточку. В лице – спокойное, величавое достоинство человека, знающего себе цену. Голос ровный, звучный, убедительный, привыкший властвовать, с некоторыми нотками начальственности и даже барства. А может, это только показалось Соколану.

– Вы знаете, – начал гость, – что физическая картина мира менялась много раз. Поначалу людям казалось, что все происходит само по себе: сам по себе идет дождь, метет метель, весна сменяет зиму и так далее. Потом они придумали богов и предположили, что всем заправляют эти самые боги, и что можно влиять на развитие событий, ублажая эти высшие существа. Богов было очень много: бог моря, бог ветра, бог солнца, бог леса. Потом количество богов уменьшалось, но росло значение оставшихся. Это продолжалось до тех пор, пока ни остался один – единственный бог. У разных народов он назывался по-разному: Яхве, Будда, Саваоф, Аллах.

Также менялось и представление об устройстве мира. Древние верили, что Земля покоится на трех китах. Когда выяснили, что никаких китов нет, то постановили считать центром всего видимого мира Землю, вокруг которой ходят по кругу Солнце и звезды.

Это была первая, якобы научная, физическая картина мира, и она продержалась больше всех остальных представлений об устройстве Вселенной. Не буду далее вдаваться в подробности – вы их знаете. – Лектор остановился, впервые внимательно посмотрел в зал, видимо, анализируя, как его слушают, и, убедившись, что слушают внимательно, продолжил: – Передо мной, я думаю, подготовленная аудитория, и поэтому я перехожу к нынешней физической картине мира, пользуясь современной научной терминологией, а также некоторыми литературными метафорами и сравнениями для понимания сложных вещей. Академик Ландау, мой учитель, как-то сказал, что величие человеческого ума состоит в том, что человек понимает такие вещи, которые невозможно представить и которые существуют только виртуально или в математических формулах. Так вот, чтобы представить непредставимые вещи, я буду пользоваться некими образами, более доступными нашему сознанию. Вы согласны?

– Согласны! – охотно донеслось из притихшего зала.

Итак, современная физическая картина мира основывается на теории так называемого Большого взрыва. Суть этой теории состоит в следующем: старушка-Вселенная вдруг почему-то решила самоуничтожиться: склероз измучил или жить надоело, или ходить в булочную стало тяжело. – По залу пробежал вежливый смешок, которого лектор явно ожидал и с видимым удовлетворением продолжил лекцию: – Так вот, она не придумала ничего лучшего, как уменьшаться и превратилась в нечто немыслимое – некую бесконечно малую точку.

Эта математическая точка называется точкой сингулярности и не имеет ни пространства, ни времени, ни других, известных нам измерений. Зато масса ее бесконечна. Эта рехнутая точка, где может существовать тангенс 90 градусов, где асимптота целуется с осями координат, как встретившиеся, наконец, страстные любовники; где бесконечность можно погладить по шерстке как милого щенка, жила по своим чокнутым законам, презрев униженную действительность, которая утверждает, что существуют уровни организации материи – этакие этажи стройного здания, уходящего как вверх так и вниз. Например, клетка – это один этаж, молекула – этажом ниже, атом – еще ниже. Далее вглубь уходят электрон, затем гипотетический кварк и неизвестные пока нижеследующие этажи материи.

Если клетку можно запросто сжать, как толпу, идущую по улице, то молекулу уплотнить уже значительно труднее – это битком набитый автобус. Для того, чтобы уплотнить атом, нужна

энергия, сопоставимая с энергией термоядерного взрыва, причем узконаправленного. Какая же энергия понадобится, чтобы уплотнить частицы, находящиеся на десятки и сотни этажей ниже, например, кварка? Откуда она может взяться, да и что за блажь такая – бесконечно уплотняться? Вселенная все же не коммунальная квартира, которая по Швондеру требует постоянного уплотнения. – В зале тихий ветерок смеха. – Да и как нормальному человеку, хотя и привыкшему ко всяким умственным ухищрениям и предположениям, представить себе, чтобы 600 миллиардов галактик, каждая из которых состоит из приблизительно такого же количества громадных звезд, вместились в одну, бесконечно малую точку? На эти вопросы ответов пока нет, пока мы это воспринимаем как данность, которую еще только предстоит объяснить.

Сколько существовала Вселенная с мозгами набекрень – неизвестно, ибо время, как такое, у нее отсутствовало. Но, наконец, и ей надоело издеваться над здравым смыслом, и она в один прекрасный момент попросту взорвалась как женщина, которую достали жизненные проблемы с мужем, детьми, харчами – быт окончательно заел. – Кильчинский опять сделал эффектную паузу, надеясь, что слушатели достойно оценят его пассаж. Слушатели оценили улыбками и жидкими аплодисментами.

– Так вот, это и был так называемый Большой взрыв, давший начало нашей Вселенной. В первое время она расширялась с неимоверной скоростью, во много раз превышающей скорость света. Для наглядности представим себе озеро или пруд, на поверхность которого упал камень. От этого камня идут волны – круги, которые постепенно затухают. То же самое происходит с ядерным взрывом: первоначальная мощная взрывная волна постепенно сходит на нет. Это, конечно, аналогия очень примитивная. Вселенная по мере своей эволюции создавала метagalактики, галактики, звезды, планеты и прочие космические объекты. Это все цветочки. Теперь перейдем к ягодам.

Кильчинский подошел к доске, услужливо установленной на сцене по такому случаю, и стал сыпать сложными формулами, чертить схемы и графики, уснащая свою речь новыми научными терминами. Многие в зале склонились над блокнотами, тетрадками, быстро записывая его выкладки. Самые продвинутые поднимали руки с мобильниками, на которые записывали все происходящее на сцене.

Наконец лектор удовлетворенно положил мел, вытер платочком руки и небрежно бросил в зал:

– Вот и все, что я хотел вам сказать. У кого будут вопросы? – Он, конечно, на каверзные вопросы не рассчитывал, учитывая сложность темы.

Зал слегка зашумел, и залегла обычная вежливая тишина, после которой должны были следовать обычные в таких случаях слова благодарности от проректора, сидящего в первом ряду и оставшегося исключительно ради этого.

– У меня вопрос, – вдруг раздалось в середине зала.

Кильчинский удивленно встрепенулся, вопросительно вскинув голову, осмотрел аудиторию, выискивая хозяина голоса.

– Встаньте, пожалуйста. Представьтесь.

– Преподаватель физики в средней школе №17А, любитель астрономии.

– Что непонятно преподавателю физики в моей лекции? – с легким сарказмом спросил Кильчинский.

– Вы здесь убедительно говорили о расширении Вселенной, приводя формулы Доплера, Дирихле, Эйнштейна и прочих. Но скажите: если Вселенная изначально бесконечна, то как она может расширяться? Куда?

Аудитория мгновенно затихла, многие с улыбкой повернули головы к смельчаку.

Лектор от неожиданности и каверзости вопроса заметно смутился, если не сказать растерялся. Он в раздумье наклонил голову, недоуменно сжал губы, затем нерешительно прошелся по сцене, все еще размышляя над ответом.

– Вопрос глубокий, – медленно начал гость. – Это скорее вопрос философии, чем вопрос физики. Должен вам сказать, что философия и даже математика серьезно отстают в разработке современных представлений о нашем мире. Когда мы говорим о расширении Вселенной, мы имеем в виду удаление самых далеких от нас галактик, находящихся на ее окраине. Что касается времени и пространства, то я уже говорил: эти понятия имеют значение лишь в процессе эволюции Вселенной. В момент ее рождения не было ни времени, ни пространства.

– Но тогда ваши слова, – спокойно сказал автор вопроса, – совпадают с утверждением блаженного Августина, который еще в пятом веке писал, что «время есть часть божьего творения; просто не было никакого прежде». А ведь вы доказывали свою приверженность атеистическому мировоззрению. Как же тут быть? – снова спросил учитель физики, продолжая стоять в ожидании ответа.

– Я не философ и не теолог, – раздраженно ответил Кильчинский, – я прочитал научную лекцию по физике. Вот и задавайте мне вопросы по физике.

– Хорошо, – не унимался настырный молодой человек, – если, по-вашему, Вселенная существует 14 миллиардов лет и ее расширение замедлялось, как круги на воде, то разные ее участки должны иметь разные свойства, а фактически Вселенная однородна и изотропна, о чем говорит реликтовое излучение. Чем это объяснить?

– Вам известна теория инфляции? – все больше раздражаясь, спросил Кильчинский, – она все объясняет.

– Далеко не все.

– Согласно теории инфляции, поначалу галактики были очень плотные и разлетались в разные стороны с огромной скоростью, – снизошел до объяснения Кильчинский. – Эта скорость расширения намного превышала скорость света, и галактики были оторваны друг от друга и, действительно, могли иметь несколько иные свойства. Но когда инфляционное расширение замедлилось, теперь уже скорость света намного превышала скорость расширения; галактики снова стали ближе друг к другу, их свойства выровнялись и приобрели изотропность. Для наглядности скажу: расстояния между галактиками увеличились приблизительно в десять тысяч раз, тогда как радиус всей наблюдаемой Вселенной возрос в миллион раз. Как вы думаете, молодой человек, 14 миллиардов лет вполне достаточно для стохастического процесса выравнивания?

– Возможно, но неубедительно для таких огромных пространств, – скромно ответил оппонент. – Еще один вопрос: откуда же взялась колоссальная энергия Большого взрыва? Непонятно мне что-то.

– Мне, откровенно говоря, тоже непонятно и удивительно, что учитель физики делает вид, что понимает все, о чем я говорил, – все также нервно ответил Кильчинский. – Но я разъясню специально для вас: так вот, накопленная в результате сжатия потенциальная энергия в отличие от массы покоя и кинетической энергии приводит к гравитационному отталкиванию. Как последняя капля воды переполняет чашу, так и малейшая флуктуация такой неустойчивой системы запускает механизм взрыва. В течение одной десятых в минус тридцать пятой секунды после Большого взрыва возникает особое квантовое поле – инфлатон.

– Но кто или что сжимает эту пружину – вот в чем вопрос?

– Пока это неизвестно, – сожалея, развел руками Кильчинский.

– Это все равно, как если я буду утверждать, что у меня есть миллион долларов, но я не знаю в каком они банке. Сплошные софизмы, – заключил молодой человек и сел.

– Вы слишком самоуверенны, молодой человек. Ставить вопросы значительно легче, чем на них отвечать, – резко сказал ученый. – Я далек от мысли, что вы просто-напросто плохо знаете предмет обсуждения. Значит, дело в принципе. Вы отрицаете теорию Большого взрыва? Или морочите мне голову вопросами, взятыми из научно-популярной литературы?

– Я пока не отрицаю теории Большого взрыва, – последовал вежливый ответ, – я в ней сомневаюсь.

– Вот, значит, как?! Вы, оказывается, некий Галилео Галилей, отрицающий учение Коперника. Глубоко копаете. – Доза сарказма в голосе Кильчинского могла бы убить слона. – Ну-ну. В таком случае, объясните, будьте любезны, в чем кроются ваши сомнения? Мне кажется, что вы или невнимательно, через пень-колоду, читали научную литературу, или сделали неверные, абсолютно вздорные выводы из прочитанного. Или обуяны своей гениальностью. Это иногда бывает у преподавателей физики в средней школе. Взять хотя бы Циолковского... Может, вы в своей средней школе знаете и ответы на эти вопросы?

– Я волнуюсь, профессор, и потому мои объяснения могут быть сбивчивыми и непонятными. Прошу меня извинить.

– Владимир Борисович, – поднялся с места проректор, теперь уже очень серьезный, – может, не будем слушать этого...экзальтированного человека? Мы и без того отобрали у вас много драгоценного времени.

– Нет, отчего же? – быстро возразил задетый за живое Кильчинский. – если у слушателя есть собственные соображения, пусть доложит. Когда же еще он это сможет сделать? Потом скажут, что я ушел от научного диспута. Да и студентам, я думаю, будет полезно знать, как ведутся научные споры: иногда содержательные, а иногда совершенно бестолковые. Пожалуйста, молодой человек.

Кильчинский, конечно же, приглашал на трибуну слушателя смеха ради. Это была скорее некая ораторская фигура, прием, чем реальное приглашение. Но к его неопишуемому удивлению нахальный слушатель поднялся и, несмотря на то, что его сосед усиленно хватал его за джинсы, пытаясь остановить, стал пробираться по ряду. Легко, непринужденно, почти танцуя, он пробежал по ступенькам и подошел к трибуне.

Девушки, которых на удивление много было в этой специфической аудитории, невольно ахнули – какой красавец! Высокий, широкоплечий, стройный, как полубог. А лицо?! А лицо – Байрон, не меньше! Или Моцарт в минуты написания своего «Реквиема» или Шопен, или другой гений в миг творческого озарения. Прекрасное одухотворенное лицо, горящие вдохновением и энергией глаза. Такому трудно противостоять, такому трудно не верить.

– Я волнуюсь, профессор, и потому мои объяснения могут быть сбивчивыми и непонятными. Прошу меня извинить.

– Ближе к делу. Уж как-нибудь пойдем, – поторопил академик, ошарашенный невиданной беспардонностью и такой же привлекательностью слушателя.

– Теория инфляции как виртуальное умственное ухищрение вроде бы объяснила ряд противоречий, – начал незнакомец.

– Почему «вроде бы»? – запальчиво перебил его Кильчинский, тоже известный спорщик, – она объяснила многие результаты исследований и астрономических наблюдений.

– Да, эта теория объяснила многое, но далеко не все, – спокойно продолжал новоявленный докладчик. Странно, но несмотря на свой внушительный рост, он все же неправдоподобно высоко возвышался над трибуной, словно она на глазах уменьшилась в размерах или сам докладчик неожиданно подрос на полметра. А тот чувствовал себя все уверенней. Аудитория слушала, как загипнотизированная. – Теория, например, не объясняет, почему скорость расширения Вселенной не уменьшается, чего следовало бы ожидать, исходя из вашей теории, а, наоборот, растет. Она стыдливо умалчивает о том, что же было до Большого взрыва и что будет после того, как его волны окончательно затухнут. Теория Большого взрыва не объясняет удовлетворительно квантовых эффектов, которые должны возникать вблизи точки сингулярности и возникают-таки при взрыве сверхновой.

– Тогда, может, вы объясните нам, невеждам, суть этих эффектов? – с упором на «вы» спросил Кильчинский, всячески пытаясь противостоять обаянию незнакомца. Однако, хотя в реплике академика все еще присутствовал сарказм, но уже не было ядовитости.

– Всего, конечно, я объяснить не смогу, – быстро нашелся докладчик, – но все говорит о том, что понятие о сингулярности Вселенной является ложным и теория Большого взрыва нуждается в кардинальном переосмыслении.

– Даже так?! – академик победно посмотрел на проректора, призывая его в свидетели научного абсурда. – И что же вы в таком случае предлагаете взамен? Если вы так самонадеянно говорите «А», тогда надо говорить и «Б». Выходит, я не в курсе новейших исследований в этой области, и вы обнаружили в интернете нечто, мне неизвестное. Тогда валяйте дальше, а мы, неучи, консерваторы, вас слушаем.

– Я знаю одно: – уже запальчиво сказал Истрин, – теория относительности справедлива не всегда, она имеет свои интервалы и пределы; она не учитывает квантовых эффектов, которые наблюдаются вблизи сингулярности. Необходимо объединить общую теорию относительности с квантовой теорией гравитации и согласовать их. Тогда окажется, что электрон – это не точечный, а бесконечно тонкий одномерный объект, некая струна, колеблющаяся в десятимерном пространстве и уходящая иногда в дополнительное 11-ое пространственное измерение. Квантовая струна имеет конечный размер согласно принципу неопределенности Гейзенберга, и поэтому вещество по определению не может быть бесконечно плотным. Теория сингулярности, таким образом, становится нелепой.

– Где вы набрались таких сведений? – с удивлением спросил Кильчинский, мгновенно соображая, что в этих быстро сказанных словах есть некая логика и смысл.

– Я же говорил, что фанатик физики и астрономии. Ночью в голову пришло, – невозмутимо ответил оппонент, продолжая стоять.

В зале шумно засмеялись, приняв это за шутку или за рассуждения человека, у которого поехала крыша.

– Вот какие нынче пошли преподаватели физики в средней школе, – сказал Кильчинский, приходя в себя и снова обращаясь к проректору. Потом обратился к трибуне:

– Расскажите, что еще вам приснилось?

– Мне приснилось, – в тон академику сказал Истрин, – что взамен представлений об элементарных частицах, основанных на работах Эйнштейна, надо принять теорию струн, которая полнее и глубже объясняет физические процессы, происходящие в микромире и дает более точную физическую картину мира, чем та, что основана на теории Большого взрыва.

– Молодой человек, вы, случайно, не выпили сегодня для храбрости? – шутовски прищурился лектор. – Наверно, вы перепутали актовый зал университета с репетиционной какой-нибудь струнного оркестра. – Опять веселый смех в зале.

– Нет, профессор, я ничего не перепутал. Но со струнным оркестром у меня, действительно, будут некоторые аналогии, – уважительно, но нисколько не теряясь, ответил оппонент. – Если вам позволяет время, я могу пояснить.

Зал с улыбками, недоверчиво наблюдал за этой перепалкой, обращая взгляды то на одного, то на другого спорщика.

– Какими научными источниками вы пользовались?

– Я же говорил, что фанатик физики и астрономии. Вот мне и снится всякая ерунда.

– Вы женаты? – неожиданно спросил академик.

– Нет, еще успел.

– Может, стоит все-таки поторопиться с таким важным делом? – продолжал изголяться лектор, – тогда вам перестанет сниться всякий вздор.

– Боюсь, что этот вздор будет плохо влиять на мою будущую семью, пока я окончательно не разберусь со всякими частицами и струнами.

– Хорошо, докладывайте, что там за струны такие хитрые. Только очень сжато: знаю я вас – фантазеров.

– Начну с аналогий, – охотно согласился оппонент. – Когда скрипач перемещает пальцы по деке скрипки, он тем самым уменьшает длину струны и повышает таким образом частоту колебаний по известной формуле и, следовательно, энергию струны. Если укоротить струну до суб-субатомных размеров, то начнут действовать квантовые законы, препятствующие дальнейшему уменьшению струны, иначе бы стала неограниченно расти масса и энергия такой струны. В данном случае струна ведет себя как обыкновенная элементарная частица. Поэтому я пришел к выводу, что элементарные частицы суть не точечные, а бесконечно тонкие одномерные объекты, которые можно назвать струнами. Они такие же переносчики фундаментальных физических сил, как фотон и гравитон.

Каждому семейству элементарных частиц соответствуют свои струны. Это и есть оркестр, если вы хотите. Струны – конечно, название условное, некая метафора, которая удачно передает суть происходящего в микромире. Квантовые струны есть объекты квантовой механики. Как только правила этой механики применяются к вибрирующей струне, вдоль которой распространяются колебания со скоростью света, у нее появляются новые свойства, связанные с физикой элементарных частиц и космологией.

– Ну и что из этого вытекает? – уже серьезно спросил Кильчинский. – Какая разница, как будут называться элементарные частицы, если они описываются по уже установленным законам?

– Разница огромная, – не задумываясь, продолжал рассказчик. – Во-первых, квантовые струны имеют конечный размер. Это принципиально важно. В соответствие с уже упоминавшимся принципом неопределенности Гейзенберга длина такой струны не может быть меньше, чем 10^{-34} в минус 34-ой степени метра. Это непредставимо малая величина, но она все же конечна. Таким образом, она ставит предел сингулярности, а проще говоря, ее отрицает.

– Волновые свойства элементарных частиц уже известны давным-давно, ничего нового, «снотворного», в этом нет, – небрежно бросил Кильчинский.

– Человечество давным-давно смотрит на звезды, однако же не перестает открывать в них что-то новое, – азартно возразил слушатель. – Да, волновые свойства элементарных частиц известны еще со времен Максвелла, но никогда глубоко не исследовалась волновая механика этих частиц. Субатомная частица движется значительно сложнее, чем традиционная элементарная точечная частица. Струна не только перемещается, колеблется, что само по себе представляет сложное движение, но она способна завиваться, как пружина. Здесь возникает один из квантовых эффектов – так называемый Т-дуализм. Он заключается в следующем: теоретическая волновая пружина представляет собой цилиндр. Если длина окружности такого цилиндра больше, чем минимальная длина струны, увеличение скорости перемещения требует малого приращения энергии, а каждый законченный виток – большого. Однако, если окружность воображаемого цилиндра меньше минимальной длины струны, то дополнительный виток требует меньше энергии, чем на приращение скорости. Следовательно, полная эффективная энергия струны остается неизменной. Из этого факта путем небольших математических преобразований неумолимо следует, что длина элементарной струны не может быть короче кванта длины. Поэтому вещество не может быть бесконечно плотным и сосредотачиваться в бесконечно малой точке.

– Туманно, мудро и не совсем понятно, – заключил Кильчинский. – По крайней мере, требует кабинетных размышлений, хотя навскидку в этом что-то и есть, – заключил Кильчинский. Потом опять весело:

– Так вы говорите, вам «Голос» был? Что он вам еще напридумал?

– Я ничего не придумывал, а только размышлял, сопоставлял и состыковывал, – ответил оппонент. – В частности, пользовался математическим аппаратом по топологии многомер-

ных пространств профессора Бенгальского, трудами Никколо Бурбаки и других математиков. Кстати, должен сказать, не всегда в случае квантовых флуктуаций работает закон нормального распределения Гаусса и вообще математике нужно осваивать новые виды симметрии, фазовые переходы в случае «черных дыр» и другие направления. Я постоянно наткнулся на отсутствие математического сопровождения при анализе новых физических процессов.

– Вот уже и математикам перепало на орехи, – улыбнулся гость. – Что еще вы можете добавить к физической картине мира?

– Если прокрутить историю Вселенной назад, то кривизна пространства-времени будет расти, но она не станет бесконечной, как в сингулярности Большого взрыва. В некоторый момент кривизна достигнет максимума, а затем станет падать, то есть Вселенная начнет расширяться. Процесс этот скорее всего носит циклический характер.

– Чушь, абсолютная чушь! – вдруг вспыхнул Кильчинский, который сделал себе научное имя на обосновании теории Большого взрыва. – Чтобы такая модель согласовывалась с наблюдениями и расчетами, Вселенная в таком случае должна была бы возникнуть из «черной дыры» гигантских размеров.

– Мои уравнения не накладывают никаких ограничений на размер «черных дыр», – парировал слушатель, я могу представить соответствующие расчеты, и вы их можете проанализировать.

«Черт возьми, – шепнул проректор сидящему рядом профессору университета, – я уже не пойму, кто тут лектор, а кто слушатель. Он или пьяный, или сумасшедший. Как он сюда попал? Нашел с кем спорить!». – «Интернет, Виктор Иванович, интернет, – таким же шепотом ответил профессор. – Начитался некритически научных статей или фантастики и шпарит теперь». – «Но ведь складно шпарит, паразит. Владимир Борисович, я вижу, в растерянности, и толком ничего не может ему возразить. Может, прекратить этот базар, а?». – «Вы не знаете Кильчинского. Надо дослушать, иначе будет скандал».

Неизвестный между тем продолжал:

– Как я представляю, наша Вселенная находится внутри огромной «черной дыры» и колеблется, как громадная мембрана среди других таких же мембран в 10-мерном пространстве. Кроме того, при очень большой кривизне объект может уходить в 11-дцатое измерение – так называемый делатон. Соударения таких мембран и вызывают эффект Большого взрыва. Таких мембран-Вселенных – бесчисленное множество.

Все эти вещи и понятия трудно представить, но это все же лучше, чем признавать кошмар и безумства сингулярности.

– Не сходится, молодой человек, – крикнул Кильчинский с таким видом, словно поймал незнакомца на шулерстве. – Если принять всерьез вашу концепцию, то получается, что материя и пространство вблизи Большого взрыва или любой другой катастрофы должны вести себя хаотически, должна возникнуть неизбежная неоднородность. Однако, этого не наблюдается. Вселенная, как вы сами успели заметить, везде однородна, по крайней мере, на тех расстояниях, которые мы можем исследовать.

Вопрос не смутил незнакомца:

– В этом случае возникает очень плотный газ из мельчайших «струнных дыр», обладающих огромными массами вследствие квантовых эффектов. Возможна и неоднородность, расчеты допускают, что напряженность полей была неодинаковой на протяжении различных стадий эволюции Вселенной или в отдаленных ее областях. Скажу больше: в уравнениях теории струн физические постоянные, которые определяют свойства природы и входят в уравнения теории гравитации, перестают быть независимыми физическими константами типа постоянной Планка, числа Авогадро, скорости света и так далее. В теории струн их величины динамически задаются полями, похожими на электромагнитные. Таким образом, если астрономам

и физикам удастся зафиксировать хотя бы малейшее изменение физических констант, то это и будет научным подтверждением справедливости теории струн.

В первом ряду, где сидела профессура университета, мешковато встал некто низенький и толстоватый и, обернувшись в зал, спросил хорошо поставленным, преподавательским голосом:

– Какова же физическая картина мира в свете ваших новых представлений? Чем она отличается от прежней?

– Отличается кардинально, – с готовностью последовал ответ. – Согласно теории Большого взрыва, если мы начнем возвращать время обратно, то увидим, что галактики и прочие космические объекты начнут, как будто проваливаться в черную необъятную дыру и сжиматься в единственную бесконечно малую точку – сингулярность. При этом плотность материи, ее температура и кривизна пространства обращаются в бесконечность, о чем мы уже говорили. На сингулярности наша космическая родословная обрывается и далее в прошлое простираться не может. Исходя из таких посылов, история Космоса насчитывает каких-нибудь жалких 14 миллиардов лет. Возникает странный философский парадокс: при бесконечности материи, пространства и времени эти физические величины имеют мизерную историю.

Теория гравитационных струн предлагает иной сценарий, предполагающий существование Вселенной и до Большого взрыва. Это выглядит более логично и убедительно. Тем не менее доказательства нужны. Так вот, согласно симметрии, вытекающей из теории струн, Вселенная перед Большим взрывом была идеальным зеркальным отображением самой себя после него, то есть за пять минут до Большого взрыва, она была такой же, как и спустя пять минут после; за год до взрыва она опять же была абсолютно такой, как и через год после взрыва и так далее. Это трудно представить, но это так.

Если Вселенная безгранично устремляется в будущее, в котором она разжижается, как правильно говорил здесь господин Кильчинский, до предела, до тонкого черного тумана, дыма, то она также бескрайне простирается и в прошлое – таков закон симметрии.

– Очень польщен, – кисло улыбнулся Владимир Борисович.

– Итак, что же было вначале? Аморфное, бесструктурное, бесконечное пространство, заполненное легкой паутиной хаотического газа из вещества и излучения. Ни того ни другого не было достаточно, чтобы наполнить содержанием этот безжизненный, бесплодный континуум. На небе – ни звездочки, ни одного огонька, ни одного ориентира – торричеллиева пустота и клубящийся беспросветный мрак. Пустой черный холст, на котором художник-природа еще только намеревается нанести мазки будущей гениальной картины.

Но время уже тикало. Легчайший газ метался по безбрежному пространству, и в силу стохастических процессов создавал отдельные флуктуации, где плотность газа оказывалась достаточной, чтобы запустить механизм самоуплотнения. С течением огромного времени силы взаимодействия возрастали, и возрастали настолько сильно, что стали образовываться «черные дыры».

Вещество внутри таких замкнутых областей оказалось отрезанным от остального пространства, то есть общий массив разбился на отделы, обособленные части. Внутри «черных дыр» пространство и время поменялись местами: центр дыры – не точка пространства, а момент времени. Это как процесс закипания борща в кастрюле: хозяйку интересует, не где закипит, а когда закипит – это ее центр внимания. Аналогия, конечно, примитивная и обидная для угрюмых теоретиков, но все-таки дает некое представление о сути вопроса.

Падающая в дыру материя наполняет ее, как воздух наполняет воздушный шарик. В «черной дыре» образуются галактики, шаровые звездные скопления, туманности, а между тем шарик раздувается, раздувается и в один прекрасный момент лопается от внутреннего напряжения.

Возможен и другой вариант, когда два подобных шарика сталкиваются с огромной силой и взлетают на воздух. Вот она, та недостающая потенциальная энергия, которую мы ищем при анализе Большого взрыва! Эти два варианта и воспринимаются нами, как Большой взрыв. А далее согласно закону симметрии идет обратный процесс, когда вещество из черной дыры рассеивается по остальному пространству, и все идет по очередному кругу. Точка конца является и точкой начала следующего цикла. Так реализуется бесконечность материи, пространства и времени. Все согласовывается, ответ сходится – задачка решена и может подаваться на проверку уважаемому Владимиру Борисовичу.

Внутренностью одной из таких «черных дыр» и является наша Вселенная – всего лишь одинокая, мизерная, печальная единица среди бесконечного множества подобных, – незнакомец с облегчением выдохнул воздух от некоторого волнения и замолчал, давая возможность переварить услышанное.

– М-да, невеселая картина вырисовывается, – мрачно сказал проректор, пожевал губами и посмотрел на Кильчинского. Тот стоял неподвижно, скрестив руки на животе и двусмысленно усмехаясь. Видимо, он и верил, и в то же время отказывался верить в услышанное.

– Долго еще наш пузырь будет расширяться? – весело крикнул кто-то из студентов.

– Пузырь – это опять же метафора, – немедленно отреагировал незнакомец. – Мы не можем, находясь внутри, видеть, какую форму имеет наша Вселенная. Но с физической и математической точки зрения – это некая мембрана, плавающая в 10-мерном пространстве и требующая иногда 11-дцатого пространственного измерения – делатона. Концы гравитационных струн могут быть открытыми, закрытыми и смешанными. Это определяется в каждом конкретном случае Т-дуализмом и граничными условиями, о которых я здесь не буду распространяться. Электроны, например, могут быть струнами, чьи концы закреплены в семи пространственных измерениях, но могут свободно двигаться в трех остальных, образующих подпространство, известное как мембрана Дирихле, или Д-мембрана. Наша Вселенная и существует как такая Д-мембрана. Вот почему мы так легко воспринимаем три измерения: длину, ширину и высоту и абсолютно глухи к семи остальным измерениям. В этом проявляется ограниченность человеческого сознания. Возможно, где-то живут разумные существа, которым доступно все великолепие 10-мерного пространства. Насколько они интеллектуально и эмоционально выше нашей цивилизации!

– Молодой человек, вы уж не хайте так нас, недоразвитых, – нашел в себе силы шуточно запротестовать Кильчинский. – Достаточно того, что мы логически постигаем это невообразимое гипотетическое пространство. У меня к вам последний вопрос: какое высшее учебное заведение вы заканчивали и по какой специальности?

– У меня диплом физика-теоретика одного очень уважаемого университета.

– Какого, если не секрет?

– Секрет.

– Нашалили там?

– Нет, не хочу ему портить репутацию.

– Как же вы с такой подготовкой оказались в средней школе, да еще, как мне подсказывают, для детей с ограниченными способностями?

– А что, у нас на Украине нужны сейчас физики-теоретики?

– Я обещаю без всяких формальностей принять вас аспирантом на кафедру теоретической физики. Приезжайте в Киев, обеспечим отдельной комнатой в общежитии для аспирантов, по вечерам разрешим подрабатывать, – в зале зашумели, раздались даже аплодисменты: попасть в столицу на таких условиях – это было мечтой для многих будущих выпускников.

– И какая зарплата у аспиранта? – спросил незнакомец.

– Пока две тысячи, – несколько смутившись, ответил академик.

– А у меня в пятьдесят раз выше, – сказал парень. – Я в школе именно подрабатываю – хочу детишкам привить любовь к физике, а вообще-то я совладелец ИТ – фирмы.

– Если у вас есть призвание к науке – а оно у вас несомненно есть, – теперь убежденно сказал академик, – то вы будете работать за любую зарплату, чтобы только заниматься любимым делом; вы бросите последнюю рубашку на алтарь науки, если она этого потребует. Приезжайте немедленно; сквозь мусор ваших научно-фантастических рассуждений я вижу зерна здоровых идей.

– Хорошо, я подумаю, – согласился незнакомец и пошел на свое место.

Кильчинский невнимательно выслушал все, что по привычке слащаво говорил проректор, и все бормотал про себя: ...струны...гм...соударение...рассчитать...

Когда возвращались домой, Юра отчитал Истрина:

– Зачем тебе понадобилось устраивать этот спектакль? – спрашивал он сурово. – Самого Кильчинского поставил в неловкое положение: он как человек интеллигентный не стал тебя одергивать, хотя и надо было. Молол какую-то смесь научно-популярной литературы с вульгарной фантастикой и, небось, думаешь, что ты бога за бороду взял – умник нашелся. Весь зал давился от смеха по поводу твоих рассуждений: с таким апломбом вещает, как будто он в самом деле открыл нечто гениальное. Ты хоть видел, как Кильчинский на тебя смотрел – выскочка ты эдакая?

– Все-таки он нашел что-то толковое в моих выкладках, если сделал такое лестное предложение, – оправдывался Роман. – А кому еще я мог рассказать о своих догадках? Все приняли бы меня за Циолковского из сумашедшего дома. Теперь я спокоен: вытряхнул из себя все, о чем думал по ночам, и могу теперь вплотную заняться нашими проблемами без всяких вредных отвлечений.

Глава четвертая

Через два дня позвонила секретарь мэра и щебечущим по-птичьи голоском, с томным подвывом на концах фраз, сообщила, что Герман Петрович желает встретиться с руководством фирмы «ИС» сегодня, где-то к вечеру.

– Отправляюсь к мэру, – торжествующе сказал зам своему шефу, – посмотрим, какие у него аппетиты.

– Смотри не поддавайся его сладким речам, – предупредил Юра, – это известный ханжа, сладкозвучная сирена.

– Постараюсь, – кратко заверил Истрин.

Герман Петрович Балабан, Днепровский градоначальник, встретил Истрина руками, раскинутыми так широко, словно намеревался разом объять шар земной, и одной из лучших своих улыбок, предназначенных для самых ответственных моментов; улыбкой во все лицо, обрамленное розовыми здоровыми щеками с милыми, симпатичными ямочками, с голубыми глазами, как у Мальвины. Голос у него был мягкий, бархатистый, убаюкивающий; движения – пластичными, шаги вкрадчивыми, бесшумными, как у вора, что идет на «дело». В таком обличье он смахивал на красивую, пушистую кошечку – любимицу хозяйки большого, богатого дома. Когти были спрятаны глубоко и надежно.

– Как я благодарен вам, что нашли время заглянуть к опальному градоначальнику, – сказал этот кот Баюн, обеими руками тряся ладонь гостя. Казалось, что в это время для него нет на свете дороже человека, чем руководитель фирмы «ИС».

– Почему опального? – шутливо спросил Истрин.

– Ревнует меня губернатор, – с удовольствием отвечал Балабан, – хочет иметь права первого секретаря обкома КПСС. Области ему мало; хочет рулить и городом. Я бы и не против, если бы деньги давал, а так одни только ценные указания шлет беспрестанно, а их в банк, как известно, не заложишь. Вот и попал в ряды оппозиционеров.

Трудно, однако, было видеть человека, более непохожего на оппозиционера, чем товарищ Балабан. Даже «господин» неохотно к нему лепилось.

– Чем могу служить, Герман Петрович? – по-старинному спросил Истрин, начитавшись Гоголя.

– Да подождите вы с делами, – шутливо поморщился мэр. – Давно хотел с вами ближе познакомиться: как-никак, а один из крупнейших градообразующих налогоплательщиков в городе.

– Лидия Андреевна, – громко позвал Балабан, – принесите нам кофе и все такое.

Грудастая, кокетливая секретарша с большими чувственными губами принесла поднос с дымящимся кофе, печеньем, повидлом и бутылкой коньяка, заинтересованно, призывноглянула на Истрина, подвела глазки, поиграла ими и неторопливо вышла, вихляя задом, туго обтянутым короткой юбкой.

– Лида, меня нет уже, – по-домашнему крикнул мэр вдогонку и потом обратился к гостю. – Замучили просители, и все идут к концу дня: непризнанные музыканты, писатели, художники, архитекторы; стоящие на грани закрытия театры, музеи, зооуголки, руководители всяких фондов и ветеранских организаций, школ ну и так далее. Все доказывают свою важность и что если их закроют, то мир и культура погибнет безвозвратно, – он мило улыбнулся своими женственными ямочками и пожал плечами, как будто говоря: ну что поделаешь – приходится терпеть, такая наша участь. И тут же, словно извиняясь за докучные подробности, обратился к гостю товарищеским тоном: – Ударим по коньячку? Рабочий день закончился, можно и расслабиться.

– Спасибо, но мне еще надо возвращаться к своему начальнику; сами понимаете: буду выглядеть нехорошо.

– М– да, это серьезно. Ну, что ж, пейте кофе, Лида его готовит отлично, могу познакомиться, если хотите. Печенье вкусное. – Мэр безутешно вздохнул, – возвращаясь к своим проблемам. – Так вот, просителей принимаю, морщусь, но приходится и самому быть в таком незавидном положении.

– Да, все мы когда-нибудь бываем в этой не самой выигрышной роли, – подтвердил Истрин, медленно попивая кофе небольшими глотками.

– Как идут дела в вашей фирме? – участливо спросил Балабан, тоже устраиваясь поудобнее и как будто надолго. – Слышал я, вы уже частенько и в Киев наезжаете по служебным делам. Ваше программное обеспечение очень ценится.

– Да, – подтвердил Истрин, – несколько наших специалистов уже работают за границей. Есть наш филиал и в столице. Нам не раз уже предлагали работу в Киеве, но я предпочитаю держаться подальше от начальства.

– Может и стоит согласиться? А чего торчать в провинции, если дело идет вверх? – доверительно сказал мэр.

– Слишком хлопотно в столицах, – ответил Роман Николаевич, – офисы крупнейших компаний мира часто располагаются в небольших городах. Хотим прославить Днепровск, – сказал он с улыбкой.

– Тоже правильно, – охотно согласился Герман Петрович. – А то как бывает: чуть на вершок поднялся талантлик – гоп и он уже в столице, на земляков смотрит через губу. А здесь мы – полные хозяева и уважаемые люди.

Мэр с видимым удовольствием посмаковал кофе, намазал вареньем печенье, небольшими, грациозными кусами неторопливо отправил его в рот. Наконец поставил чашку и сделал серьезное лицо.

– Роман Григорьевич, не буду лукавить, я к вам тоже просителем. В библии говорится: да не оскудеет рука дающего. У нас есть общественная баня – единственная в городе. У многих горожан нет горячей воды, помыться недорого хотя бы раз в неделю можно было только в этой бане. Но она пришла в полный упадок, нужны приличные по меркам города деньги на капитальный ремонт. Поможете?

– Я думаю, поможем, – после некоторого молчания сказал Истрин. – Сам еще недавно ходил по коммунальным баням. О какой сумме идет речь?

– Боюсь и называть, – ответил Балабан, явно смущаясь, как стыдливая девица. – За себя никогда бы не просил, но ради города...

– Так сколько же? – настоял Истрин.

– Около миллиона, – с явным усилием выдохнул мэр и полез за платочком, чтобы вытереть пот от неловкости.

– Это многовато, – вздохнув, ответил гость, – но я думаю, что смогу убедить своих раскошелиться на такую замечательную цель.

– Мы представим вам смету; будет все, как положено, чтоб у вас голова не болела насчет истраченных денег, – поспешил добавить градоначальник, чтобы уж полностью снять все опасения.

– У меня она не будет болеть, – улыбнулся Истрин, – а вот если будут финансовые нарушения, то голова будет болеть у вас, и болеть основательно, а может и вовсе повредиться, пока дело не пойдет на лад. Договорились?

– Ну уж вы такое скажете, – шумно замахал руками хозяин кабинета, как будто отгоняя злых духов. – У меня такого сроду не водилось и никогда не заведется. Заметано, будьте спокойны, – радостно, легко заверил Герман Петрович, – я слов на ветер не бросаю – это все знают; отчитаемся, как там, – он поднял палец к небу. – Перед открытием попаримся вместе, если

вам дела позволят, – он заговорчески понизил голос, подвинулся к Истрину, моргнул игриво и многозначительно, – И Лиду пригласим...а?

– Это лишнее. Я приду со своим начальником и партнером или только он, если, действительно, дела задержат, – сказал Истрин, – а насчет головы не забывайте.

Радужный хозяин кабинета проводил гостя до входных дверей здания и долго благодарно жал руку на прощанье. Даже подождал, пока машина с Истриным не отъехала, затем с изменившимся до желчности лицом потер руки, возвратился к себе и некоторое время неподвижно сидел, с удовольствием размышляя, какой он ловкий Гаврила.

– Что за вопрос, конечно, поможем, – сказал Соколан, когда напарник, возвратившись, доложил о ситуации.

Через неделю деньги были исправно перечислены в отдел капитального строительства горисполкома. И работа закипела. Ремонтные работы велись на широкую ногу. Мэр усилий и денег не жалел, щедрой рукой давая разрешения на закупку дорогих материалов, как будто хотел построить в Днепровске баню, которая соперничала бы с римскими банями императора Диоклетиана. Тут был и полированный гранит, и мебель карельской березы, и паркет из благородного мореного дуба, и немецкая сантехника, итальянские обои и многое другое, чего в общественных банях обычно не бывает. Не планировалась такая роскошь и в Днепровске.

Уже перед самым открытием присутственного места Балабан устроил большое совещание с привлечением средств массовой информации, на котором он собирался выступить с большой ораторской речью с использованием средств художественной выразительности, жеста и эмоционального наполнения. Грядели будущие выборы, и мэр намеревался показать всей общественности города всю силу его заботы об общественном благе, всю меру его бескорыстия, ставящего его незримо рядом с Альцестом, Сен-Жюстом и Цюрупой, который, якобы, будучи наркомом продовольствия, падал в голодные обмороки.

И вот когда Балабан Георгий Петрович вышел на трибуну в хорошо отглаженном дорогом костюме, который очень шел к его нежно – алым от легкого приятного волнения щекам, обрызганным французским одеколоном, весь такой торжественный, праздничный, наполненный общественными чувствами долга и служения высшим идеалам, когда он уже услышал, как дышит жизнью микрофон, готовый передать на весь мир его страстную, зажигательную, исповедальную речь, долженствующую оставить его на служебном посту следующие пять лет; когда мэр был готов произнести хорошо поставленным голосом: « Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий над судьбами нашей отчизны...» – так вот, когда он приготовился уже все это произнести и дальше по строго выверенному тексту с логическими ударениями и многозначительными паузами для бурных рукоплесканий, Георгий Петрович вдруг ни с того ни с сего, самым неожиданным образом, и в первую голову для самого себя, брякнул в микрофон:

– Со всей ответственностью докладываю вам, дорогие товарищи и господа, что я... украл у своего народа на афере с общественной баней девятьсот восемьдесят семь тысяч шестьсот сорок три гривны пятьдесят восемь копеек.

Не знаю каким способом передать тишину, которая залегла в большом зале после такого вступления. Эпитет «гробовая» столь же отличается от истины, как бас непохож на тенор. Однако, бог с ними, этими художественными средствами выразительности, тут не до них.

Сам Георгий Петрович застыл в оцепенении от собственных слов, тупо глядя в перспективу аудитории. Когда наконец мэр оклемал от изумления, он съехался, посерел, из свежего огурчика превратился в соленый магазинный, не пользующийся спросом, лоб его покрыла густая испарина.

– Извините, господа, я что-то не то сказал, – пролепетал он скороговоркой, пытаясь поскорее замять этот глупый инцидент и заглядывая в конспект речи. – Я хотел сказать, что... я украл у своего народа на афере с баней девятьсот восемьдесят семь тысяч шестьсот сорок три гривны...

Тут уж могильную тишину зала прострелил чей-то ехидный смешок, потом еще и еще. Мэр затравленно оглянулся, ища глазами наглеца, который подделывается под его голос. Но наглеца нигде не было, голос принадлежал только ему. Другой на его месте уже окончательно бы растерялся и стал давать признательные показания, но не таков был Георгий Петрович, прошедший огонь, воду и медные трубы от твердого троечника и общественно активного пионера до мэра Днепровска. А это, я вам доложу, ох какой долгий и ухабистый путь. Оратор печально сморщил лицо, приложил руку ко лбу, стал его растирать.

– Простите, господа, – сказал он болезно, – со вчерашнего дня со мной происходит нечто странное. Жена убеждала меня взять больничный: всю ночь меня мучили кошмары, я постоянно превращался в каких-то бандитов, взяточников, казнокрадов. Нервное истощение. Ничего, это пустое, бывает, – мэр наплевательски махнул рукой, – Я сейчас сосредоточусь. Отдыхать будем потом, – он попытался улыбнуться прежней своей улыбкой врожденного канала и твердо продолжил: итак... я украл у своего народа....

Зал разразился гомерическим хохотом. Но Балабан на этот раз не остановился, а уверенно продолжал: Вместе со мной за отчетный период наиболее отличились украденными суммами путем составления фальшивых смет и завышения стоимости стройматериалов и прочих злоупотреблений следующие руководители строительных организаций в алфавитном порядке:

Зал опять замер, как океан во время штиля, слышно было, как под кем-то заскрипело кресло.

– Товарищ Ахмоненко похитил триста сорок тысяч пятьдесят восемь гривен двенадцать копеек.

Товарищ Бублик – двести девяносто тысяч триста двадцать три тысячи гривен, – оратор поднял голову и извиняющимся голосом сказал: Список большой, поэтому, товарищи, копейки буду округлять до гривен.

– Товарищ Вотченко – четыреста двадцать шесть тысяч сто сорок семь гривен.

– Товарищ Дульский – мэр резко сдернул с себя очки и сурово глянул в зал, призывая его возмутиться вместе с ним. – Совсем уж безобразие, пятьсот девяносто восемь тысяч четыреста пятнадцать гривен. Больше, чем мой зам. Не по чину берете, Аркадий Ильич.

С кресла вскочил упитанный господин в новеньком фирменном джинсовом костюме. Видимо, это и был упоминаемый Аркадий Ильич.

– Жора, что ты мелешь? – закричал он с места. – Очнись, кто может здесь больше тебя украсть? – он уверенно обратился к залу за поддержкой. – Я меру свою знаю, а тебе надо лечиться.

В зале стало происходить нечто, невыразимое художественными средствами капиталистического реализма. Здесь мог бы помочь разве что инструментарий абстрактного авангардизма, но я им не владею. Приходится пользоваться арсеналом вялых слов и картин неистовства чувств и стихий, как то: шторм, штурм, овации после доклада Леонида Ильича Брежнева, извержение вулкана в Исландии, встреча Гагарина на Кубе, лесные пожары в районе Лос-Анжелеса, здравицы в честь Ким Чен Ира, «Девятый вал» Айвазовского», очереди за колбасой «Московская» 30 декабря 1989 года, осуждение творений Солженицына на собрании в Союзе писателей, изумление мировой общественности при известии о телах инопланетян, якобы доставленных на базу ВВС Соединенных Штатов Америки, гипотетический взрыв водородной бомбы в деловом квартале Лондона, голосование в Верховной Раде по закону о статусе русского языка и тому подобных катаклизмов и экстремальных явлений.

Приблизительно такой эффект имела выходка мэра. Со всех сторон загудели возмущенные голоса и понеслись непотребные, неинтеллигентные слова типа «сам дурак», «осел», «козел», «чушь», «собака лает – караван идет», «рука Москвы», «кремлевская песенка», «кремлевская зозуля» и еще что-то кремлевское, «бездарный фэйк», «Геть!», «очумел окончательно, идиот», «ганьба!», «долой политическую проститутку!», «это провокация»; «боже,

до чего мы дожили»; «да заткните, наконец, ему глотку»... и другие, совсем уже непечатные крики души, высказывания, экспромты и эскапады.

Шум нарастал, все смешалось в доме Облонских, то бишь в зале гориспокома. Требовали снять оратора с трибуны, а тот бубнил все новые имена и цифры, не обращая внимания на помехи. Он дошел уже до «Л», когда его осторожно взяли под руки и вывели. А в душный воздух зала настырно несло: Лавенко: триста тысяч девятьсот шесть гривен. Лернер: двести...

Заседание закончилось, но многие не уходили, а сгруппировавшись в кружки и компании, дружно и горячо обсуждали случившееся и что за этим последует. Каждый отрицал приписанную ему сумму, а некто Дряблов неодобрительно думал о себе: «Девяносто шесть тысяч... А у Елецкого четыреста с гаком... куда ж я, идиот, смотрел?! Какая разница за какую сумму отвечать? Что, тебе нельзя было вместо итальянского кафеля подsunуть харьковскую плитку? Эх ты, дурында». Так думал не только Дряблов, но и некоторые другие, которых можно было узнать по кислым физиономиям с явно заниженной самооценкой.

Правда, их лица светлели, когда они подходили к группкам, где бурно обсуждали, откуда у мэра такие точные сведения и какой им будет дан ход. Большинство сходилось на мнении, что уважаемый человек сошел с рельсов и потому недееспособен с юридической точки зрения, а отсюда, кто ж ему поверит. Но все равно лица оставались испуганными, что весьма тешило тех, кто отставал в хищениях.

При самом беглом подсчете получалось, что если коллега стибрил у демократического, сугубо унитарного государства, например, пятьсот тысяч гривен и получит двенадцать лет «сизу за решеткой в темнице сырой», то другой хват, слямзивший по неопытности только сто тысяч, отсидит на нарах каких-нибудь два с половиною года – чи ни срок! Есть повод хихикнуть и потереть руки от удовольствия.

Споткнувшегося на ровном месте мэра привезли благополучно домой, уложили баиньки и приказали жене строго-настрого не допускать мужа ни к каким средствам коммуникации, как-то: компьютерам, магнитофонам, диктофонам, к речам с применением ораторских жестов, но особенно беречься от журналистов.

Георгий Петрович выздоравливал очень медленно. По настоянию специалистов жена ненавязчиво, исходя из состояния здоровья, ласково расспрашивала его, когда он в последний раз воровал крупные суммы, которые могли повлечь за собой такие печальные последствия. Больной затравленно озирался, вначале все категорически отрицал, но потом все-таки начал медленно сдавать позиции, и его признаний хватило на три страницы убористого текста. Все же баня была его последним пунктом, а далее шли уже сущие мелочи вроде икрыного осетра в десять килограмм, подаренного рыбинспекцией и не существующего, якобы, в природе Таврии согласно отчетам этой самой рыбинспекции.

Остановившись на этой проклятой бане, жена стала выуживать более подробные сведения, связанные с этим объектом благотворительности мужа. Так дело дошло до разговора с руководителем «ИС». Позвонили Истрину. Тот подтвердил факт такого разговора и что он, в самом деле, пошутил насчет больной головы, но никогда не думал, что Георгий Петрович все так примет близко к сердцу. Анна Семеновна тут же разрыдалась и попросила Истрина взять его слова назад. Тот легко согласился, но сказал, что насколько он знает психологию, то, чтобы отпустило, надо искренне раскаться, возратить все туда, где оно хорошо и даже плохо лежало, и тогда проблема исчезнет сама собой.

Так несчастный мэр и сделал. Он перечислил со своего личного счета, а также со счетов деда, бабки, дальней одинокой тетки, жены, малолетнего внука, а также со счетов нескольких подставных фирм деньги в казначейство, продал три автомобиля зарубежных марок, двухэтажный дом на берегу Днепра в заповедной зоне, две квартиры в Днепровске, автозаправочную станцию, кафе-бар «Монако» с правами казино.

Все деньги от продаж также были отданы государству, несмотря на упорное сопротивление семьи, у которой остались крохи в виде еще одного роскошного дома в центре города с маленьким озерцом, зооуголком, кортом и забором, напоминающим уменьшенную копию великой китайской стены. Тут уж Георгий Петрович ничего не смог поделать с истошными криками жены: «Режь меня, бей меня – не отдам! Мы разорены окончательно!».

Сам Балабан, чтобы не слышать этого отчаянья и чтобы окончательно выздороветь, ушел в мужской монастырь, находящийся в нескольких километрах от Днепровска. Там он стал смиренным послушником, отрастил бороду и по рассказам очевидцев печет хлеба для монастырской братии. К нему возвратилось здоровье, сила и ум, он говорит то, что думает и не боится этого. Игумен не нарадуется, что бог послал ему такого работника. В отношении других участников «дела о бане» ничего неизвестно, так как они люди маленькие, а о людях маленьких пресса старается не упоминать.

А на фирме «ИС» все шло своим чередом. Один раз в неделю Соколан ходил на заседания какой-то партии социал-демократического толка. На вопрос Романа, что он там делает, Юра неохотно отвечал, что не может равнодушно смотреть на неустройство, беспорядок в стране; надо что-то предпринимать для улучшения; мол, кто же это будет делать, если не мы. Периодически, перед очередными выборами, в их квартире появлялись кипы листовок, плакатов, портретов, флагов и прочей политической амуниции, было даже два мегафона с отполированными от употребления держателями. Юра куда-то часто звонил, оживленно и увлеченно с кем-то разговаривал, спорил, принимал к сведению и исполнению приказы и указания, сам кого-то наставлял, к нему приходили какие-то люди с озабоченными лицами, приносили и забирали агитацию, горячо обсуждали некие списки и перечни мероприятий.

Но постепенно энтузиазм Соколана угасал. Он возвращался с заседаний все более недовольный и мрачный. По его словам, в партии засели, как и везде, карьеристы, думающие только о себе; партия им нужна только для того, чтобы пробиться наверх и приобщиться к распределению благ. Роман в ответ лишь насмешливо хмыкал и ждал, чем все это кончится, не пытаясь поколебать Юрины идейные устои.

Фирма продолжала набирать вес, вызывая завистливые разговоры, как среди официальной власти, так и в криминальном мире. Однажды был звонок глухой ночью. Соколан взял мобильник, удивляясь, кто мог так поздно звонить. Грубый, развязный, пьяный голос на блатном языке потребовал встречи завтра в ресторане «Восток» в семь вечера.

– Ну что, пойдём? – спросил Юра соседа, когда тот спросонок понял, о чем идет речь.

– Пойдем, – ответил Роман, – порадуем местную криминальную публику. Врага желательно знать в лицо, – потом добавил уже серьезно: – надо раз и навсегда покончить с татаро-монгольским игом. Добровольно они от нас не отстанут.

Они пришли точно по времени, заняли свободный столик, заказали солянку сборную мясную, любимое блюдо Юры, салаты, персиковый сок.

– У нас вечером заказывают спиртное, – с неподвижным лицом сказал официант, держа наготове шариковую ручку, чтобы записывать кагоры и мадеры.

– А мы не заказываем, – ответил Роман, – мы люди бедные, мы хотим только поесть.

– Для «только поесть» существуют забегаловки, а у нас ресторан, – нахально настаивал парень.

– Иди, дорогой, иди, – попросил Истрин, – когда мы чего захотим, мы тебе об этом скажем.

– Я вас обслуживать не буду, – сказал официант, повернулся и сделал несколько шагов от столика.

– Вернись, – тихо, но со страшной силой в голосе приказал посетитель.

Парень поднял ногу в прежнем направлении, потом она зависла на несколько секунд, опустилась; хозяин ноги развернулся и роботообразно вновь подошел к столу.

– Повтори, пожалуйста, наш заказ, – попросил Роман, – правильно ли ты нас понял?

– Два овощных салата, две сборных солянки, два персиковых сока, хлеб, соль, специи и никаких возражений и задержек, придти по первому требованию, – механически повторил официант.

– Теперь все правильно, – сказал Роман, – и выучи раз и навсегда: посетитель всегда прав, даже если он заказывает ложку воды.

Официант хотел молча кивнуть головой, но перестарался и получился почти русский поклон в пояс, после чего он попятился и пошел к окну выдачи блюд. Там к нему тут же подскочили его коллеги и стали расспрашивать, в чем дело.

– Ничего не пойму, – испуганно отвечал парень, – ноги сами пошли, все вылетело из головы, и я только слушал. Они спиртное не заказали, ну я и ответил им, как нас инструктировали – а, вишь, что получилось.

– Говорят, в городе спецагенты орудуют со сверхспособностями, оружием и с новейшими приспособлениями, – шепнул один из работников ресторана, – может, это они и есть? С особыми полномочиями. Спиртное не заказывают – это уже о чем-то говорит. Надо доложить администратору.

Администратор, крепкий орешек и ушлый карась, только повертел пальцем у виска и отправил доносчика работать, потому что дело происходило в пятницу, и ресторан наполнялся с каждой минутой.

Официант принес заказ через десять минут, то есть очень быстро; элегантно, сноровисто все расставил, подал и молча, чуть быстрее, чем этого требовала ситуация удалился, видимо, опасаясь какого-нибудь очередного курьеза.

Прошло около часа. Ребята успели все съесть, выпили сок, расплатились и решили уходить. Но только они собрались подняться, как на плечо Юры легла тяжелая рука. Он обернулся. Перед ними стояли двое конкретных пацанов с узкими волчьими лбами и лицами, которые ясно говорили, что у парней природные способности к работе в органах принуждения. Одна из этих небритых, отягченных рукоприкладством физиономий с легким туманом в бесцветных и хитрых глазках небрежно сказала, назидательно наставив пистолет толстого, длинного пальца:

– Начальство не опаздывает, а задерживается. Надо это знать. Сказано вам на семь – так ждите хоть до самого закрытия. Ишь, выпендриваются здесь.

– Я не понял, кто выпендривается, – ответил Юра. – Мы честно пришли, честно ждали, а те, кто нас пригласил, поступают невежливо, если не сказать бескультурно. Так в деловом мире не поступают. Время – деньги. Роман Григорьевич, сколько стоят наши полтора часа, которые мы потратили на поездку и посещение ресторана?

– Пожалуй, тысяча долларов – не меньше, – ответил Истрин.

– С вас, господа, тысяча долларов неустойки, – продолжал Соколан, как они предварительно договорились, – а потом будем продолжать беседу, если вам это надо. Такса такая же.

– Вы че, шестерки, мухоморов объелись? – закричал один из незнакомцев, бешено сверкая глазами и дергаясь всем телом. – Да я вас сейчас урою.

– Юра, по– моему, у него нервный срыв, – сказал Роман, – надо парня спасать.

«Парень» вдруг сделал руки по швам, затих и остолбенел.

– Серега, – обратился Истрин к другому «собеседнику», – вы только что из кафе «Ивушка», где получили полторы тысячи баксов. Давай тысячу, а на остальные будем гудеть и беседовать. Иначе, тоже успокойсь, как твой нервный приятель.

Серега посмотрел на своего кореша, который пытался что-то мычать, но только судорожно глотал ртом воздух; руки его по-прежнему были в положении «смирно». В глазах растерянность и страх. Напарник обернулся назад, дал отмашку рукой, и откуда-то из глубины зала рванулась группа из четырех человек, на ходу выхватывая из карманов пистолеты и ножи.

Но, подлетев к столику, «группа захвата» остановилась, замерла, а потом выложила на стол оружие и чинно выстроилась возле остолбеневшего дружка.

– А ты, Серега, чего стоишь, как засватанная девица?– обратился к тому Роман, – выкладывай награбленное и пиши расписку, что добровольно жертвуешь на интернат для инвалидов детства.

Тот покорно положил на грудь стволов свои два, затем пакет с баксами, пачку гривен. Тут же прибежал с решительным видом администратор, но увидев стол и шеренгу застывших налетчиков, побледнел и смиренненько стал сбоку, потом хотел вообще незаметно смотаться, но Истрин его остановил:

– Администратор Беденко, – сказал он строго, – примите оружие по описи и завтра же сдайте милиции. Скажете, что нашли после закрытия ресторана. Деньги я вам не доверяю, а перечислю самостоятельно. Ну что?– обратился он к Сереге, – беседа получилась содержательной, правда? У вас есть еще что-то сказать? Нет? Тогда предлагаю отнести вашего нервного подельника домой к его Риточке и через пару дней он придет в норму и тут же пойдет оформляться грузчиком на угольный склад. Так как там только одно вакантное место, вы, Серега, и остальные, найдете работу самостоятельно на базах, где нужна большая физическая сила. Платить там будут меньше, чем по кафе, притонам и ресторанам, но на жизнь заработаете. Порог этих заведений не переступать, потому что возникнут сложности с передвижением. –Господин Беденко, – Роман повернулся к администратору, – никаких заказов спиртного насильно– так и скажите своему Василию Никифоровичу, – и никаких поборов с официантов. Солянку и все другие блюда делать строго по закладке, со свадеб и юбилеев не воровать; брать, что вам сами оставят. У меня все. Свободны, как птицы.

Налетчики, приняв на руки своего недвижимого главаря, удалились. Люди, сидевшие за соседними столиками, казалось, ничего не видели и не слышали, кроме привычной ходьбы и разговоров. Оркестр играл, певица пела, стоял обычный ресторанный шум и гам. Так разрушили ситуацию с криминалитетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.